

0-787241

На правах рукописи

Кульков

Кулькова Мария Александровна

**КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
НАРОДНОЙ ПРИМЕТЫ**

10.02.01 – русский язык,
10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2011

0- 787241

На правах рукописи

Кулькова Мария Александровна

**КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
НАРОДНОЙ ПРИМЕТЫ**

10.02.01 – русский язык,
10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики преподавания государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный консультант –

доктор филологических наук профессор
Фаттахова Наиля Нурыйхановна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор
Харченко Вера Константиновна
(Белгородский государственный университет)

доктор филологических наук профессор
Губанов Алексей Рафаилович
(Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова)

доктор филологических наук профессор
Закамулина Миляуша Нурулловна
(Казанский государственный энергетический университет)

Ведущая организация –

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

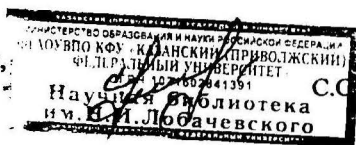
Защита состоится «12» мая 2011 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.078.04 при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» «25» января 2011 г. Режим доступа: <http://tggu.ru>

Автореферат разослан «30» марта 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

С.С. Сафонова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Приметы относятся к произведениям народного творчества особого рода, представляющим наряду с пословицами и поговорками наиболее яркие образцы «сгущения мысли» народа (А.А. Потебня), в которых элементы древней культуры и национальных традиций находят оригинальное языковое воплощение. Особое значение малых фольклорных жанров и примет, в частности, в жизни народа подчеркивалось выдающимися мыслителями отечественной науки – А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ, В.А. Богородицким, В.О. Ключевским и др. Как отмечал В.А. Богородицкий, «произведения народного творчества, составляя духовную атмосферу простого народа, сливаются с его жизнью, переплетаясь с нею множеством ассоциативных связей» (Богородицкий 1900: 13).

С одной стороны, многие приметы являются древними народными изречениями, базирующимися на ассоциативных представлениях архаичного человека, свидетельствующих о синкретичном способе отражения окружающего мира в его психике (А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, Е.Ф. Будде, А.Н. Афанасьев, А.Ф. Лосев, Н.Б. Мечковская). Такой способ мышления («дологический» согласно Н.Б. Мечковской, или «инкорпорированный», согласно А.Ф. Лосеву) объясняет самобытный характер народных примет и характеризует их как «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» (Харченко, Тонкова 2008: 14). С другой стороны, народные приметы представляют постоянно развивающийся фольклорный жанр, демонстрирующий особенности своего функционирования в современном речевом употреблении в качестве языковых способов выражения запрета, разрешения, предостережения, наставления, совета и т.д., и могут быть охарактеризованы как истолкования неких ситуаций, которые используются «носителями традиций для построения своего поведения» (Христофорова 1998: 30).

Несмотря на различное понимание народных примет современными исследователями, ученые сходятся в едином мнении о пропозициональном содержании примет, формируемом благодаря наличию в их семантической структуре причинно-следственной связи между явлениями, которая, по мысли А.А. Потебни, предполагала перенос ассоциативной связи между сравниваемыми предметами и явлениями на сами явления (Потебня 1913: 176). Как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «замечая постоянную зависимость явлений, т.е. постоянное присутствие одного рядом с другим или же одного после другого, ... мы допускаем между ними причинную связь; одно рассматриваем как причину, другое как результат» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 225).

В настоящее время необходимость изучения народных примет объясняется тенденциями, наблюдаемыми в современной лингвистике в связи с процессами глобализации и активного взаимодействия различных национальных культур, что стимулирует проведение исследований национальных языковых картин мира, особенностей языкового сознания различных народов, проявления

национально-специфических черт в процессе концептуализации и категоризации человеческого опыта взаимодействия с окружающей действительностью (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, А. Вежбицкая, Г.Д. Гачев, О.А. Корнилов, М.В. Пименова, А.Д. Шмелев, В.А. Маслова, Р.Р. Замалетдинов, Е.Ф. Арсентьева, Г.А. Багаутдинова и др.).

При этом сопоставительные исследования произведений устного народного творчества приобретают особое значение. По утверждению В. фон Гумбольдта, «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» (Гумбольдт 1984: 324). В этой связи настоящее исследование, предпринятое на материале отдаленно родственных языков – русского и немецкого, представляется актуальным, поскольку позволяет на примере фольклорных микротекстов продемонстрировать универсальные и уникальные черты в способах категоризации и концептуализации внеязыковой действительности представителями русского и немецкого этнокультурных социумов, а также проследить влияние глобальной ментальной и речевой стереотипизации на формирование и функционирование языковых структур на национальном уровне и сопоставить полученные результаты.

Актуальность данной работы определяется также ее соответствием современным направлениям лингвистической науки, развивающейся в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, фундаментальные основы которой были заложены в трудах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Ю.С. Степанова, Н.Н. Болдырева, А.А. Кибрика, Н.Ф. Алефиренко, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Р. Лангаккера, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Л. Талми, У. Чейфа, Ч. Филлмора, Т.А. ван Дейка, D. Wunderlich, M. Bierwisch, K. Ehlich, J. Rehbein, I. Rosengren, F. Liedtke, G. Grewendorf и др.). Анализ содержательной структуры народных примет был осуществлен в русле лингвокогнитивных и этногерменевтических исследований, проводимых в современном языкознании с целью выявления этносоциокультурной специфики отображения окружающей действительности в языковых структурах национальных обществ. Когнитивно-прагматический ракурс изучения народных примет определяет принципиальное отличие настоящей работы от проводимых ранее исследований примет.

Традиционно народные приметы изучались с точки зрения логико-семиотической структуры (А. Dundes 1975; Г.Л. Пермяков 1975, 1988; О.Б. Христофорова 1998), стилистического своеобразия и лингвоэстетики (W. Mieder 1977; A. Taylor 1985; В.К. Харченко 1991, 1992а, 1992б, В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова 2008; R. Gläser 2010), структурно-семантической организации (Н.А. Андрамонова 1998, 1999; Н.Н. Фаттахова 2002, 2004; А.М. Тарасов 2004; Н.Н. Иванова 2005; С.В. Туганова 2006; К.Р. Вагнер 2007; М.И. Закиров 2009), фольклорной специфики (Т.С. Садова 2004), этнографического изучения (Л.И. Минько 1975; С.А. Токарев 1983; А.Г. Булатова 1999).

Принимая во внимание все вышесказанное, настоящее исследование русских и немецких примет, учитывающее как когнитивно-пропозициональный, так и коммуникативно-прагматический аспекты порождения и интерпретации паремий данной группы, представляется

актуальным не только для русской и сопоставительной паремиологии, но и для современной лингвистики.

Объект исследования составляет содержательная сторона народных примет, объединенных в функционально-прагматические группы высказываний – дескриптивные, прескриптивные и оценочные, организующие единое паремиологическое пространство.

Предметом изучения являются особенности сегментации когнитивно-смысловой структуры народных примет в русском и немецком языках, обусловленной спецификой языкового проецирования ментального мира в этноязыковом сознании представителей сопоставляемых этносов.

Цель работы заключается в раскрытии механизмов протекания процессов смыслообразования и интерпретации народных примет с учетом их когнитивно-прагматической специфики с последующей инвентаризацией лексических, морфологических и синтаксических средств, применяемых для прагмалингвистического кодирования интенциональности в этноязыковом обществе.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Обосновать целесообразность использования этногерменевтического и когнитивно-дискурсивного подходов к анализу содержательной организации народных примет.

2. Раскрыть когнитивно-прагматический аспект смыслообразования приметы.

3. Построить модель содержательной организации народной приметы с учетом пропозиционально-когнитивного и коммуникативно-прагматического компонентов в структуре знания, заключенного в паремии.

4. Выявить прагматический потенциал народных примет и произвести их каталогизацию в соответствии с иллокутивной направленностью.

5. Изучить способы семантического осложнения примет посредством анализа актантных, атрибутивных и сирконстантных компликаторов.

6. Проанализировать эксплицитные и имплицитные способы репрезентации коммуникативно-прагматических фреймов в дескриптивных, прескриптивных и оценочных паремиях. Определить ядерные и периферийные средства языкового оформления каждого из выделенных фреймов в изучаемой паремиологической системе русского и немецкого языков и сопоставить полученные результаты.

7. Сопоставить речевые интенции и способы их реализации в сценариях убеждения путем исследования аргументированных и неаргументированных текстов народных примет. Охарактеризовать зависимость языкового оформления паремии от уровня ее иллокутивной силы.

8. Дать описание когнитивного механизма декодирования косвенного смысла в приметах, реализующих не прямые способы убеждения.

9. Исследовать оценочную категоризацию объективной действительности в народных приметах с последующим выявлением в них эксплицитных и имплицитных средств отражения оценочной семантики.

10. Установить сходства и различия как в плане содержания, так и в плане выражения анализируемого паремиологического дискурса в русском и немецком языках.

Основными методами исследования являются как общезыковые (метод научного наблюдения, сравнительно-сопоставительный, описательный методы), так и частные лингвистические методы (метод фреймового анализа дискурса, метод выведения скрытого коммуникативного смысла паремий путем вероятностно-индуктивной инференции, метод компонентного и контекстуального анализа, метод моделирования, структурно-семантический метод, статистический метод).

Материал диссертационного исследования составили русские и немецкие народные приметы, изъятые методом сплошной выборки из 41 паремиологического сборника. Основными источниками являются сборники В.И. Даля «Пословицы русского народа», А.С. Ермолова «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах», Г.Д. Рыженкова «Народный месяцеслов», Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева «Энциклопедия русских примет», A. Hauser „Bauernregeln“, I. Schleier „Bauernregeln und Wettersprüche“, E. Binder „Bauern- und Wetterregeln“ и др. Картотеку исследования составили 10 000 русских и немецких народных примет. Для иллюстрации контекстуального употребления примет были использованы художественные произведения И.А. Бунина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, К.Г. Паустовского, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева, J.W. Goethe, J. Wassermann, A. Achleitner, G. Meyrink, G. Keller, G. Grass и других авторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые реализован системный подход к изучению содержательной организации народной приметы с учетом пропозиционально-когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей ее структурирования. Вопросы коммуникативно-прагматической сегментации содержательного пространства примет, применения в них коммуникативных стратегий и тактик убеждения, языкового оформления приметы в зависимости от коммуникативных установок говорящего, оценочной категоризации в народных приметах получили систематизированное освещение. В работе впервые осуществлен целостный анализ русских народных примет с привлечением немецкоязычного паремиологического материала, включающий исследование их семантики, синтаксиса и прагматики и способствующий выявлению этноментальной специфики в способах отражения внеязыковой действительности в паремиях данного типа. Впервые осуществлен сопоставительный анализ языковых способов представления пропозитивного содержания в приметах русского и немецкого языков.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в исследовании закладываются теоретические основы рассмотрения малых фольклорных жанров с учетом применения современных подходов к изучению языковых единиц – этногерменевтического и когнитивно-дискурсивного. Работа вносит существенный вклад в дальнейшее развитие лингвофольклористики,

прагмалингвистики, теории дискурса, когнитивной лингвистики, в расширение представлений об оценочной концептуализации и языковых особенностях отражения семантики оценки в паремиях русского и немецкого языков; углубляются основные положения теории речевых актов относительно процессов когнитивной обработки директивных и косвенных речевых актов в паремиологическом дискурсе.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по теории языка, общему языкознанию, межкультурной коммуникации, спецкурсах по русской и сопоставительной паремиологии, лингвофольклористике, прагмалингвистике, когнитивной лингвистике, теории речевых актов, теории дискурса, теории коммуникации, лингвокультурологии. Работа имеет выход в лексикографическую практику, что может найти отражение при составлении одно- и многоязычных сборников народных примет.

Теоретико-методологической базой исследования являются:

1) концепция В.фон Гумбольдта о взаимосвязи языка, мышления и духовной жизни народа, развитая впоследствии в трудах Г. Штейнтала, А.А. Потебни, Й.Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.;

2) социально-психологическая концепция порождения языка и произведений устного народного творчества в трудах представителей Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэн де Куртенз, Н.В. Крушевский, Е.Ф. Будде, В.А. Богородицкий);

3) базовые положения теории паремиологии о структурно-смысловой специфике паремий (Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов, Н.А. Андрамонова, Н.Н. Фаттахова, В.К. Харченко, Л.Б. Савенкова, Г.Д. Сидоркова, А. Dundes, A. Taylor, W. Mieder, M. Kuusi, A. Hauser, K. Helm и др.);

4) герменевтическая теория понимания текстов (Ф. Растье, Х.-Г. Гадамер, Г. Гарфинкель и др.);

5) теория речевых актов (Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Д. Вандервекен, Г.П. Грайс, П.Ф. Стросон, В. Fraser, G.N. Leech, J. Verschueren, D. Wunderlich, G. Nagas, G. Hindenlang, В.В. Богданов, Н.И. Формановская и др.);

6) положения когнитивной лингвистики о взаимосвязи и взаимодействии когнитивных и языковых структур в процессе формирования знаков вторичной номинации (Р. Лангаккер, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, А.Н. Баранов и др.);

7) теория дискурса (Э. Бенвенист, М. Фуко, Т.А. ван Дейк, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.А. Плунгян, В.В. Богданов, К. Adamzik, H. Kämper, S. Jäger и др.);

8) учение о фреймах (М. Минский, Ч. Филлмор, Т.А. ван Дейк, У.Л. Чейф, R.C. Schank, R.P. Abelson, D.E. Rumelhart, T. Winograd);

9) понимание оценки и ценностей в лингвистике и философии (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, Л.А. Сергеева, В.И. Карасик, Л.М. Васильев, Л.К. Байрамова, Г.А. Багаутдинова, Р.М. Хзар, А.А. Ивин, В.П. Алексеев, О.Г. Дробницкий и др.).

Гипотеза исследования. Коммуникативные ситуации, репрезентированные в паремиологическом дискурсе, исчисляемы и поддаются когнитивно-прагматическому анализу. Предполагается совпадение *интенциональной концептосферы* в русском и немецком этнокультурных обществах, базирующееся на принципе универсализации коммуникативно-прагматических концептов в национальном и мировом сознании человечества, и расхождение в языковых способах экспликации интенций ввиду ментальных различий представителей сопоставляемых лингвокультур, обуславливающих специфические этносоциокультурные кодировки информации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На правах отнесенности к паремиологическому дискурсу народные приметы характеризуются бессубъектностью, безадресатностью, клишированностью. Система народных примет отражает не субъективные мнения и оценки, а некую обобщенную точку зрения, основывающуюся на усредненных представлениях членов конкретного этнокультурного социума об организации жизнедеятельности (ведении домашнего и сельского хозяйства, животноводства, поведения в ключевых жизненных ситуациях и т.д.). В ходе формирования дискурсивного пространства народной приметы происходит «рассеивание» образа автора паремиологического высказывания на все этнокультурное общество, что позволяет говорить о коллективном авторстве примет, о выражении национального характера в языковом оформлении дескриптивных, прескриптивных и оценочных паремий.

2. Содержательная структура народной приметы представлена пропозиционально-когнитивным и коммуникативно-прагматическим компонентами, каждый из которых выполняет определенную роль в смыслообразовании паремии. Центральным в порождении и интерпретации примет является пропозиционально-когнитивный компонент содержания паремии, в ядерной зоне которого располагается пропозиция, моделирующая инвариант значения паремии. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту содержательной структуры народной приметы осуществляется актуализация ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, информация о которых представлена в интерпретационной зоне дискурсивного пространства паремии.

3. Многомерный характер структурной организации фрейма, отнесенность фрейма к стереотипным коммуникативным ситуациям обуславливает возможность использования коммуникативно-прагматических фреймов в качестве надежного исследовательского инструмента при проведении герменевтического и когнитивно-прагматического анализа народных примет.

4. Народные приметы являются национально-прецедентными феноменами, участвующими в создании национально-когнитивной базы этнокультурного общества. Представляя прецедентные тексты, приметы характеризуются полипропозиitivностью, сложной знаковой структурой, сумма значений компонентов которой не приравнивается ее смыслу. Анализ охвата паремиологического описания стереотипных жизненных ситуаций характеризует национальное пространство прецедентности, формирующееся в

процессе многовекового освоения членами этнокультурного общества опыта взаимодействия с окружающей средой, его социализации и рефлексии. Статус прецедентных феноменов народные приметы приобретают в результате длительного закрепления «правил поведения» в народной речевой практике, обретая характер устойчивых и регулярно используемых фраз в бытовом дискурсе.

5. Языковое оформление аргументационного текста народной приметы предопределяется прагматическими установками продуцента с учетом пресуппозиционной базы потенциального реципиента. Диспозиции продуцента в процессе формирования аргументированного речевого акта базируются на данных о коллективном фонде лингвистической, эпистемологической, прагматической информации, необходимой для декодирования адресатом транслируемого сообщения.

6. Аксиологическая сущность народных примет свидетельствует о приоритете положительной оценки над отрицательной, случаи ожидания благоприятных для человека и его деятельности событий, ситуаций превалируют над случаями прогнозирования негативных фактов действительности. Факт асимметрии между положительной и отрицательной зонами «хорошо / плохо» в системе народных примет доказывает связь с позитивной ориентацией языковой нормы.

7. Специфика ментально-образного представления объективной действительности конкретным этносом, национальные особенности квантикативной категоризации денотативного пространства проецируются на языковые способы выражения количественных значений в системе народных примет, формируя специфическое для каждого из изучаемых языков функционально-семантическое поле количественности.

Апробация работы. Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры русского языка и методики преподавания совместно с кафедрой межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как иностранного Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета и кафедрой романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета. Основные положения и результаты исследования были представлены на 30 международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях: «Язык, литература, культура и современные глобализационные процессы» (Нижегородский государственный университет, РОПРЯЛ, 2010 г.), «Язык и культура: XXI век» (Омский государственный университет, РАЛК, 2010 г.), «Язык, культура и познание» (Белгородский государственный университет, 2010 г.), «Языковая семантика и образ мира» (Казанский государственный университет, 2008 г.), «Эпический текст: проблемы и перспективы изучения» (Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006 г.), «Пушкинские чтения» (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2005 г.), «Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный и методический аспекты» (Саратовский государственный университет, 2005 г.), «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже

тысячелетий» (Воронежский государственный педагогический университет, 2005 г.), «II, III и IV Международные Бодуэновские чтения» (Казанский государственный университет, 2003, 2006, 2009 гг.), «Сопоставительная филология и полилингвизм: состояние и перспективы» (Казанский государственный университет, 2005 г.), а также на итоговых научных конференциях в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Кроме того, работа прошла апробацию на лекционных и учебно-практических занятиях в Лейпцигском университете (Германия). Всего по теме диссертации опубликовано 50 работ, в том числе 13 статей в журналах, рекомендованных ВАК. Проект исследования был удостоен гранта ДААД в 2010 г.

Структура работы определяется логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью и методами исследования. Диссертация состоит из введения, двух разделов, каждый из которых включает три главы, заключения, списка использованной научной литературы, паремиологических источников, справочных изданий и словарей, принятых сокращений и приложения.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, описывается материал исследования и методы его изучения, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, дается краткая характеристика теоретико-методологической базы исследования, формулируется гипотеза исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первом разделе «**Теоретико-методологические основы исследования народных примет**» рассматривается история вопроса об изучении народных примет (НП) в трудах отечественных и зарубежных ученых; освещаются сущностные характеристики примет; исследуется проблема репрезентации обыденного знания в исследуемом типе паремий.

При изучении истории разработки вопроса (п. 1.1.), прежде всего, замечен весомый вклад ученых Казанской лингвистической школы (Н.В. Крушевского, Е.Ф. Будде, В.А. Богородицкого) в решение проблемы порождения и понимания произведений фольклора. Как отмечает Н.В. Крушевский, «размышляя и действуя, человек опирается на известные аксиомы, т.е. такие общие истины, которые по его взгляду неоспоримы и не требуют доказательств» (Крушевский 1876: 8). Возникновение подобных аксиом выдающийся ученый объясняет следующим образом: «впечатления сходных черт целого ряда явлений, повторившись наибольшее число раз, получают наибольшее силы и вытесняют собой впечатления черт специальных, более слабые. ... Человек приходит к аксиоме, что *следствие должно походить на свою причину*. Процесс этот происходит бессознательно, начинаясь в безотчетном действе и теряясь в тысяче сходных случаев. Так слагаются в уме человека аксиомы» (Крушевский 1876: 9).

Выводы Н.В. Крушевского относительно происхождения устно-поэтических произведений были впоследствии развиты Е.Ф. Будде. В своей работе «Мифический элемент в русской народной словесности» (1885 г.) ученый вслед за Н.В. Крушевским продолжает исследовать символические элементы в фольклорных произведениях, рассматривая их под влиянием социально-исторических и психологических факторов в умственном развитии человека. Размышляя о роли природы в наивных представлениях древнего человека, Е.Ф. Будде отмечает, что «природа была самым главным фактором в жизни человека: природа его учила и давала ему материал для образования логических понятий, она его развивала и воспламеняла его фантазию». Ярким подтверждением высказанной мысли Е.Ф. Будде служит язык примет – сельскохозяйственных, метеорологических и некоторых суеверных.

Известна также публичная лекция В.А. Богородицкого «Психология поэтического творчества» (1900 г.), в которой ученый осмысляет произведения устно-поэтического творчества с психологической точки зрения, связывая сложный процесс творчества с ощущениями, из которых «слагаются» представления человека. В его рассуждениях угадывается попытка ответить на вопрос о причинах возникновения национально-специфического типа мышления, волновавший лучшие умы филологической мысли (В. фон Гумбольдта, А.А. Потебню, И.А. Бодуэна де Куртенэ): «представления и понятия в нашей жизни не являются в отдельности, но как звенья входят в цепь мысли. ... С нашим развитием видоизменяются и наши представления и понятия, подобно тому как такое же развитие совершалось в жизни народов и вообще человечества вместе с развитием культуры и цивилизации» (Богородицкий 1900: 6).

В начале XXI века исследовательский интерес распространяется на малоизученные малые жанры фольклора, одним из которых являются народные приметы. Отдельные статьи С.А. Токарева, Е.Г. Павловой, В.К. Харченко, А.Г. Булатовой, О.Б. Христофоровой послужили серьезным толчком для изучения НП с современных позиций лингвистики. Докторская диссертация Н.Н. Фаттаховой (2002 г.), посвященная исследованию семантико-синтаксических отношений в НП русского и татарского народов, является первым систематизированным исследованием примет. В работе представлен подробнейший анализ синтаксической структуры, семантического содержания, лексического наполнения русских и татарских народных примет с точки зрения лингвокультурологического подхода к объекту исследования. В работах А.М. Тарасова (2004 г.), С.В. Тугановой (2006 г.), К.Р. Вагнер (2007 г.), М.И. Закирова (2009 г.) последовательно развивается идея об отражении в приметах этнокультурной специфики народа.

Интерес к лингвистическому исследованию народных примет находит распространение и в некоторых работах других научных школ. Труды Т.С. Садовой (2003 г., 2004 г.) посвящены изучению фольклорной специфики русских народных примет с позиций лингвофольклористики и этнолингвистики. Автором обосновывается статус народной приметы как фольклорного текста, проводится типология текстов примет по

содержательным признакам, анализируется логическая структура примет. В исследовании Н.Н. Ивановой (2005 г.) изучаются языковые свойства и этнокультурный фон примет, выявляется функциональная специфика примет на фоне пословиц и поговорок.

В монографии В.К. Харченко и Е.Е. Тонковой (2008 г.) пристальному вниманию авторов подвергаются формально-грамматические и функциональные особенности примет, описываются персонификация и концептосфера паремий, анализируется лингвостетическое своеобразие народных примет и поверий в художественном дискурсе.

В п. 1.2. выявляются специфические особенности языкового оформления примет, обусловленные прогностической сущностью их возникновения. Появление приметы объясняется необходимостью создания некоей системы отношений путем «нахождения связей между миром материальным и нравственным» (А.Н. Афанасьев). По замечанию А.А. Потебни, «примета предполагает, что лежащие в ее основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый, вызывающий своим присутствием ожидание второго» (Потебня 1913).

План содержания НП вне зависимости от лексического наполнения паремии и ее формальной организации облигаторно включает в свою структуру темпоральную характеристику описываемых явлений. Временная константа в приметах характеризуется цикличным характером, отражающим космологическое сознание архаичного человека, которое предполагает, что «в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст» (Б.А. Успенский). Временные координаты в приметах (календарные праздники, дни недели, месяц года, время года, год) являются неотъемлемым компонентом системы ожиданий, репрезентированной в приметах в виде формулы «Если А, то следует ожидать В» эксплицитно либо имплицитно. Ожидание представляет один из самых древних, дологических типов психического реагирования, уходящего корнями во «внутренний мир» животных и является определенным состоянием сознания, стимулированного некоторыми событиями (М.И. Черемисина, Т.А. Колосова).

В плане выражения языковое оформление НП отличается разнообразием структурных форм и их смыслового наполнения. Вариативная формально-структурная организация НП, проявляющаяся в гармоничном сочетании лаконичных клишированных паремий с объемными текстовыми описаниями, обуславливается интенциональной характеристикой приметы, степенью иллюкутивной силы и вектором коммуникативной направленности паремии (категоричный запрет, деликатный совет или подробная инструкция поведения в определенных жизненных ситуациях). Инвентарь лексических единиц, используемый в построении паремиологических конструкций, с удивительной точностью отражает крестьянский быт, уклад жизни, национальные обычаи и нравы, что в свою очередь помогает воссоздать подлинную картину жизни народа того времени. Например: *Когда в сене дождевина, тогда в сусеке ведрина; Жать ячмень зеленком (впрозелень) – дойдет в снопах; Высушишь*

пашню – не замесишь квашню; Много комаров – готовь коробов (под ягоды), много мошек – готовь лукошек (по грибы); На Василия (25 апреля) и земля запарится, как старуха в бане и т.д.

Многими исследователями (А. Taylor, W. Mieder, R. Gläser, В.К. Харченко, Т.С. Садовой и др.) отмечаются такие особенности языкового оформления примет, как краткость, вариативность, образность. Образное словоупотребление в НП наряду с рифмой служит целям запоминания и узнавания подсказывающего признака (В.К. Харченко).

Специфическая способность народных примет, обладающих предсказательно-назидательным началом, особым образом отражать образное мышление народа и его исключительную наблюдательность, часто использовалось в художественных произведениях писателей (например, И.А. Бунина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, К.Г. Паустовского, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева, В.И. Белова, О. Glaubrecht, J. Wassermann, A. Achleitner, G. Meyrink, G. Keller, G. Grass и др.).

В п. 1.3. освещается вопрос о тематической и функциональной классификации примет.

С учетом поставленных задач в настоящем исследовании мы разграничиваем приметы на три основных блока по тематическому признаку: а) погодные, или метеорологические приметы; б) сельскохозяйственные приметы; в) бытовые, или суеверные приметы.

Обширный паремиологический материал свидетельствует о том, что предсказываемое событие касается не только явлений природы, состояния урожая, развития растений и животных, но и участвует в сложной цепи моделирования человеческой деятельности в соответствии с обуславливающими факторами. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ выделял помимо репрезентативной функции языка коммуникативную, отмечая, что язык «может представляться, с одной стороны, действием, делом, с другой – вещью, предметом внешнего мира» (Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 81).

В зависимости от своей первичной функции в речевом общении приметы можно подразделить на три основные группы высказываний: *дескриптивные*, или описывающие; *оценочные*, или аксиологические, и *прескриптивные*, или предписывающие (ср. с классификацией знаков Ч.У. Морриса).

Дескриптивные приметы представляют в основном описание окружающей действительности, стимулируя ментальную деятельность человека. Основная функция дескриптивных паремий – репрезентативная: *По зиме ложится лето; На егорьевской неделе прилет ласточкам; Март с водой, апрель с травой, а май с цветами; Wie es wintert, so sommert es; Zu Maria Verkündigung (25. März) kommen die Schwalben wiederum; Märzenschnee frisst, Aprilschnee düngt* и др.

Оценочные, или аксиологические приметы, представляют собой высказывания, содержащие информацию о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным, предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло (А.А. Ивин): *Перед Николой иней – овсы хороши будут; Гром на юге – урожаи хороший, на западе – средний, на востоке или севере – плохой; Обильные росы предвещают*

хороший урожай; Wenn Sankt Vinzent schwenkt den Hut, dann gerät der Hafer gut; Donnert's in den März hinein, wird der Roggen gut gedeih'n; Abendtau im Mai gibt das rechte Heu и др.

Прескриптивные приметы представляют побудительные высказывания, цель которых заключается в активизации ментальной и физической деятельности адресата в соответствии с ожиданиями прескриптора, или говорящего. Среди прескриптивных НП можно выделить определенные группы высказываний, объединенных в коммуникативно-прагматические кластеры, содержащие предписывающие высказывания с различными интенциональными оттенками:

1) «Стимулирование деятельности» (например, «наказ», «совет», «инструкция»): *Доставай косы и серпы к Петрову дню; Когда курица теряет свой хвост – смело начинай сев; Накануне Благовещенья сеют горох; Ist die Fasnacht klar und hell, so stell bereit den Pflug nur schnell; Ist Maria gebor'n, Bauer, säe dein Korn!; Hat St. Peter das Wetter schön, kannst du Kohl und Erbsen sä'n;*

2) «Подавление деятельности» (например, «запрет», «предостережение»): *В новолуние не сей хлеба, тощ будет всходом, молодой месяц вытянет из семян силу; Не хвали ветра, не извея жита; Если купаться после Ильина дня, то можно утонуть или заболеть; Den Weizen nicht in hellen Nächten säen; Vor Johannistag keine Gerste man loben mag; An St. Sebastian muss man entweder ertrinken oder erfrieren* и др.

В п. 1.4. анализируется статус народных примет в паремиологической системе русского и немецкого языков. Современная паремиологическая наука в связи с интенсивным развитием лингвокультурологического, дискурсивно-когнитивного, этнопрагматического подходов к изучению языковых единиц рассматривает *паремии* как сложные языковые феномены, обладающие свойствами как языковых, так и речевых единиц (Л.Б. Савенкова, Т.Г. Бочина). Таким образом, паремиологические единицы, к которым относятся и народные приметы, обладают поливалентностью, что объясняется их аксиологической составляющей и сложной многомерной когнитивно-смысловой структурой. Согласно нашим представлениям, *паремии*, или *паремиологические конструкции*, представляют автономные устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, являющиеся продуктом многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения. *Народные приметы* мы определяем как устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, направленные на моделирование человеческого поведения, осуществляемого благодаря наличию в примете предсказательно-побудительных установок.

В п. 1.5. исследуется вопрос интерпретации народных примет с позиции этногерменевтики. Рассматриваются предпосылки возникновения герменевтического подхода к изучению языковых явлений (Ф. Шлейермахер, И.Г. Дройзен, В. Дильтей, Э. Гуссерль, Г. Шпет, В. Вундт, М. Лацарус, Т. Вайц, Г. Штейнталь и др.).

Подчеркивается важная роль прагматического фактора в интерпретационном процессе текстов, т.е. соотношения их с жизненными ситуациями, в которых они могут быть употреблены. С точки зрения генеративного подхода, представленного в концепции Н. Хомского, народные приметы рассматриваются с учетом соотношения глубинных и поверхностных структур. При этом важным моментом является учет коммуникативно-прагматического фактора употребления приметы. Закрепление внешней языковой формы приметы осуществлялось в ходе многовековой «шлифовки» паремий, а их смысловое содержание тщательно оттачивалось многими поколениями, в результате чего и возникли эти «жемчужины традиционного языкового знания», связанные с предсказанием событий. Традиционное языковое знание, которым обладают представители того или иного этнокультурного общества, является «закодированным» с детства, причем это кодирование больше похоже на самовнушение. Повторяя традиционные тексты, человек невольно вовлекается в круг языкового знания (Т.С. Садова). Вследствие этого интерпретация примет подразумевает «распознавание» древних правил человеческого поведения, действовавших на протяжении длительного времени в процессе регулярного их использования и характеризовавших поведение не только отдельных индивидов, но и коллектива в целом.

В п. 1.6. рассматривается проблема репрезентации обыденного знания в народных приметах. Отмечается, что на уровне вторичной концептуализации происходит формирование важной составляющей языковой картины мира (ЯКМ) – паремиологической картины мира (ПКМ) как специфического способа представления системы знаний в особых языковых конструкциях – паремиях. На данном этапе, характеризующемся высокой степенью субъективности, человек выступает в качестве носителя системы индивидуального знания, мнения и оценки, что позволяет говорить о нем как об интерпретаторе окружающего и внутреннего мира, использующего язык в качестве материальной основы для интерпретации.

В ПКМ находит отражение наиболее значимая часть общей картины мира в виде клишированных языковых конструкций, этнокогнитивный анализ которых позволяет выявить смысловые константы в национально-языковом сознании. НП в качестве вербально-стереотипного способа регулирования человеческого поведения являются национально-традиционной формой проявления наблюдательности, назидательности, рефлексивности в человеческом обществе. Двойное преломление ПКМ – сначала в национально-специфическом сознании, а затем и в лингвистическом пространстве – раскрывает перед исследователями множество нюансов концептуализации и репрезентации знаний об окружающем и внутреннем мире представителями конкретных этнокультурных обществ.

Возникновение национальной паремиологической картины мира обусловлено национальным восприятием паремиологических высказываний, паремиологических текстов в ходе регулярного использования их в бытовом дискурсе, возникновением определенных ассоциаций, образов, символов и т.д.,

базирующихся на феноменологических знаниях и характеризующихся устойчивостью и общеизвестностью. Представляя вербализованную форму национальной концептуальной картины мира, НП содержат важную информацию о когнитивной деятельности народа, национально-языковых способах структурирования накопленного опыта, а также о ценностных представлениях определенного этнокультурного обществ. Герменевтический анализ НП позволяет не только понять глубинный смысл паремиологического высказывания, но и проследить вариативные возможности употребления паремии в различных бытовых ситуациях, выявить коммуникативные тактики убеждения в паремиологическом дискурсе.

Вторая глава диссертации «Когнитивно-дискурсивный подход к изучению народных примет» посвящена описанию проведения исследования анализируемых паремий с позиций современной когнитивистики. В п. 2.1. рассматриваются основные проблемы когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания и пути их решения в отечественной и зарубежной лингвистике. Отмечается, что главной задачей когнитивной лингвистики является «системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов» (Демьянков 1994: 17), а также исследование «постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» (Кубрякова 2004а: 9). Фундаментальные основы когнитивной лингвистики заложены в трудах таких американских ученых, как Н. Хомского, У. Чейфа, Ч. Филлмора, Р. Джекендоффа, Дж. Катца, Дж. Фодора, Р. Лангаккера, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Э. Маккормака и др. Особенностью американского направления когнитивной лингвистики является выдвижение на передний план проблем, связанных с моделированием искусственного интеллекта.

В России развитие идей когнитивной лингвистики связано в первую очередь с именами Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Ю.С. Степанова, А.А. Леонтьева, В.В. Петрова, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Р.М. Фрумкиной, Н.Д. Арутюновой, А.А. Залевской и др. В трудах российских лингвистов-когнитологов особое внимание уделяется вопросам изучения соотношения наивной картины мира и познавательной деятельности человека.

Европейское направление когнитивной лингвистики характеризуется устремлением исследовательских интересов к проблеме анализа языковой обработки информации в актах порождения и восприятия речи (D. Wunderlich, V. Ehrich, G. Sail, D. Viehweger, R. Meyer-Hermann, K. Zimmermann, P. Müller, J. Rehbein, G. Grewendorf, M. Wetzler, K. Ehlich, I. Rosengren, U. Scherer, F. Liedtke и др.).

В когнитивной лингвистике выделился ряд течений, характеризующихся, несмотря на свой разноплановый характер, общей когнитивной организацией (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, В.И. Герасимов).

Первое течение когнитивной лингвистики объединяет лингвистические научные исследования, представляющие индивидуальные исследовательские проекты разных типов когнитивных грамматик, когнитивных исследований

дискурса, когнитивных лексикологий и т.д. (Р. Лангаккер, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л. Талми, Т.А. ван Дейк, Дж. Хейман и др.).

Второе течение когнитивной лингвистики связано с научными исследованиями в области семантики, разрабатывающими различные варианты ее когнитивных версий: теорию прагматической семантики, концептуальной семантики, фреймовой семантики и др.

Третье течение когнитивной лингвистики формируется благодаря работам современных исследований, направленных на изучение ЯКМ, частей речи с когнитивной точки зрения, проблему соотношения языковых структур с когнитивными, проблему категоризации и концептуализации (Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Г.В. Колшанский, А.А. Уфимцева, В.Г. Гак, Б.А. Серебренников, В.И. Поставалова, Е.С. Яковлева, И.А. Стернин, З.Д. Попова, М.В. Пименова и др.).

Таким образом, представленные выше научные направления когнитивной лингвистики формируют новую парадигму научного знания – когнитивно-дискурсивную, методологические основы которой были заложены в трудах Е.С. Кубряковой.

В п. 2.2. анализируется организация и типология основных когнитивных структур. Отмечается, что ментальные образы, возникающие в ходе познавательной деятельности человека в его сознании, называемые также «мыслительными картинками» (А.П. Бабушкин), обладают определенной структурой, характер которой определяет тип репрезентации знаний в человеческом сознании.

Минимальной мыслительной единицей выступает концепт, отражающий содержание информации, полученной в результате взаимодействия с окружающей действительностью в виде определенных единиц, «квантов» знания. Структурирование концепта корреспондирует с восприятием мира и окружающих предметов. В структуре концепта принято различать чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Вслед за Н.Н. Болдыревым, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным мы выделяем следующие основные типы концептов, различающихся по своему содержанию и степени абстракции: конкретно – чувственный образ, представление, схему, понятие, прототип, пропозицию, фрейм, сценарий, гештальт. Более подробного рассматривания заслуживают понятия пропозиции, схемы, фрейма и сценария.

Термин *пропозиция* является ключевым понятием в исследованиях по логическому анализу языка, при построении моделей порождения и понимания речи, моделях по искусственному интеллекту, психологии и т.д. (Anderson, Bower 1973; Kintsch 1974; Norman, Rumelhart 1975; Anderson 1976; Johnson-Laird 1983; Paivio 1983, 1986; Givón 1984; Pylyshyn 1984; Gardner 1985; Stevenson 1993 и др.). В связи с широким диапазоном применения термина «пропозиция» его понимание в существующих научных концепциях различно.

В логике данный термин соотносится с семантической константой, необходимой в логических операциях при образовании предложений. Так, под пропозицией, или логическим суждением, в логических школах анализа языка подразумевалась определенная форма мысли, утверждающая или отрицающая

нечто о предметах действительности (Арутюнова 2003: 23-24). Данное направление получило развитие в концепции Г. Фреге, а также в исследованиях логической семантики (Арутюнова 1976, Kempson 1989).

С точки зрения собственно лингвистического и когнитивного анализа языка пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, а также формы репрезентации окружающего мира (Арутюнова 1973; Богданов 1977; Залевская 1985; Караулов 1987; Кубрякова 1991; Панкрац 1992, 1997; Cook 1979; Чейф 1983; Филлмор 1991a и др.).

Понятие *схемы* трактуется как сложный вид репрезентации, как некое абстрактное явление, которое позволяет приписывать определенные объекты и события к общим категориям, способным наполняться конкретным содержанием в каждом отдельном случае (Н. Стиллингс, М. Файнштейн, Дж. Гарфилд и др.).

Центральными способами представления знаний в сознании человека выступают *фреймы* и *сценарии*. По замечанию Т. ван Дейка, фреймы «являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» (Дейк 1989: 16). Сценарий представляет одно из основных понятий концепции М. Минского, согласно которому сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста в виде тематических («сценарных») структур, извлекаемых из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, терминальных элементов (Minsky 1980). Основное отличие фрейма от сценария заключается в том, что фрейм представляет собой статический, а сценарий – динамический мыслительный образ (Алефиренко 2005: 187).

В настоящем исследовании мы используем фреймы в качестве мыслительных образов стереотипных коммуникативных ситуаций наказа, запрета, предостережения, совета и инструкций в ходе анализа коммуникативно-прагматических возможностей НП. Термин «сценарий» используется в настоящей работе применительно к эпизоду убеждения в ходе интерактивного взаимодействия двух и более собеседников в качестве динамического мыслительного образа, демонстрирующего как общие свойства коммуникативной стратегии убеждения, так и частные свойства, реализующиеся посредством различных коммуникативных тактик.

В п. 2.3.-2.7. рассматриваются основные положения теории речевых актов, описываются косвенные речевые акты, раскрывается значение терминов *локутивный, иллюкутивный, перлокутивный акт, акт референции, имплицатура речевого общения, интенция, интенциональная концептосфера*, изучается структура коммуникативной ситуации, освещается проблема порождения и понимания паремиологического высказывания. Особое внимание уделяется социально-психологической концепции порождения языка основателя Казанской лингвистической школы, И.А. Бодуэна де Куртенэ. В широком понимании выдающегося мыслителя язык есть «универсальный рефлекс духа на внешние раздражения», а мысль и язык представляют «первые

проявления реакции одухотворенного мозга на внешние раздражения» (Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 66). Язык рассматривается И.А. Бодуэном де Куртенэ в тесной связи с мышлением. Введенное им понятие языкового мышления отражает стремление ученого глубже постичь природу функционирования языка, вскрыть его сущность в тесном взаимодействии с мыслительными процессами.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, признавая «объективно психическую основу существования языка», отмечает и социальную сторону языка. Признание языка одновременно индивидуальным и коллективно-индивидуальным приводит его к выводу о разграничении языка как системы, как явления социального, и речи как деятельности, как явления индивидуального.

По мнению ученика И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, «процессы понимания, интерпретации знаков языка... обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» (Щерба 1974: 25). Л.В. Щерба подчеркивает креативный характер речепорождения, указывая на сложный речевой механизм человека, представляющий своеобразную переработку речевого опыта.

А.А. Потебня, описывая взаимодействие мышления и языка в поэтическом произведении, выделяет в последнем так же, как и в слове, содержание, или идею, соответствующую «чувственному образу или развитому из него понятию», внутреннюю форму, указывающую на это содержание, и, наконец, внешнюю форму, «в которой объективируется художественный образ» (Потебня 1989: 165). Он отмечает более сложное действие механизмов порождения поэтического произведения по сравнению с механизмами порождения слова.

Среди зарубежных исследователей механизмов порождения речи следует назвать в первую очередь представителей бихевиоризма (Б.Ф. Скиннера, Ч.Э. Осгуда), а также школы генеративной грамматики (Н. Хомского, Дж. Миллера).

Большая заслуга в разработке теории порождения высказывания в отечественной науке принадлежит таким известным ученым-психологам как Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, И.А. Зимняя и др.

В соответствии с положений школы генеративной грамматики формированию речевого высказывания предшествует создание некой глубинной структуры, переход которой в поверхностную структуру осуществляется с помощью определенных мыслительных операций, называемых Н. Хомским трансформациями. Суть трансформаций, по мнению ученого, состоит в том, глубинная структура подается в семантический компонент и получает семантическую интерпретацию; при помощи трансформационных правил она преобразуется в поверхностную структуру, которой далее дается фонетическая интерпретация при помощи правил фонологического компонента (Хомский 1972а). Процесс понимания высказывания по мысли Н. Хомского заключается в том, что перед слушающим первоначально стоит задача определить структурную характеристику, которая в соответствии с известной ему грамматикой должна быть сопоставлена данному

высказыванию, а затем, пользуясь информацией, заключенной в этой структурной характеристике, понять это высказывание (Хомский 1965).

В п. 2.8. изучается вопрос о структурной организации фрейма. Понятие «фрейм» прочно закрепилось в современной лингвистике и является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Согласно М. Минскому, фрейм можно представить в виде уровневой сети, организованной узлами и связями между ними. При этом «верхние уровни» фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин – *терминалов*, или «ячеек», которые должны быть заполнены *характерными примерами*, или *данными*. В системах фреймов возможно использование различных способов представления информации, что имеет особое значение для разработки механизмов понимания. Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую *фреймом*, с таким расчетом, чтобы путем изложения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов (Минский 1979).

Фреймовая теория М. Минского впоследствии продуктивно разрабатывалась в прикладной лингвистике, о чем свидетельствуют работы У.Л. Чейфа, Р. Шенка, Р. Абельсона, Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, Т.А. ван Дейка, Д. Румельхарта, Т. Винограда. Наибольшее значение для настоящего исследования представляют работы Ч. Филлмора. В качестве основного инструмента понимания семантики Ч. Филлмор использует *фреймы интерпретации*, соответствующие коммуникативно-прагматическим фреймам (КПФ) в настоящем исследовании. Согласно Ч. Филлмору, задача семантики понимания текста (П-семантики) заключается «в раскрытии сущности связи между языковыми текстами и достижением полного понимания этих текстов в их окружении», что связано, по мнению ученого, «с попыткой обнаружения всех способов соотнесения конкретных выражений с ситуациями, которые они описывают». Таким образом, фреймы выступают своего рода посредниками между текстами и их пониманием в сознании человека.

Придавая решающее значение в П-семантике фреймам интерпретации, Ч. Филлмор отмечает, что данные когнитивные структуры могут быть введены в процесс понимания текста двояко: вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. Фрейм активируется интерпретатором, когда он, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма или модель обычно ассоциируется с рассматриваемым фреймом (Филлмор 1988: 65).

В проводимом исследовании народных примет актуализируются оба варианта активации КПФ: активация интерпретатором в ходе анализа паремий по данным паремнографических источников и активация КПФ текстом при рассмотрении народных примет в контексте их употребления. Таким образом,

фреймовый анализ, применяемый с целью исследования коммуникативно-смысловой функции паремиологического дискурса, позволяет получить максимальную информацию в ходе интерпретаций паремий: речевые интенции адресанта, presupпозиции, необходимые для порождения и адекватного понимания паремии, применяемые коммуникативные стратегии и тактики, данные о пропозитивном содержании и иллокутивной силе паремиологического высказывания, наличие скрытых (косвенных) смыслов и т.д.

Третья глава «Содержательная организация паремиологического дискурса» посвящена изучению когнитивно-смысловой структуры паремий. В п. 3.1.-3.3. истолковываются такие понятия, как *значение, смысл, дискурс, текст, паремиологический дискурс, паремиологический текст, паремиологическое высказывание*, освещаются особенности паремиологического дискурса.

Паремии на правах самостоятельных высказываний характеризуются клишированностью, устойчивостью, семантической автономностью, их смысл эксплицируется в ходе РА в виде моно- и полипредикативных конструкций, обладающих вариативным набором лексических, морфологических и синтаксических средств, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание паремий (диктум) остается единым.

Например, семантическую схему пропозиции НП можно представить в виде инвариантной формулы «Если S_2P , то S_1P », где S_1 – субъект базовой пропозиции, S_2 – субъект побочной пропозиции, а P – предикат пропозиции, характеризующий признак субъекта пропозиции. Указанная схема может подвергаться различным модификациям, в результате которых первая часть приметы может быть свернута и репрезентирована в тексте паремии благодаря атрибутивным и сирконстантным компликаторам, выражающим «сценарный характер высказывания» (А.С. Кравец). Тогда семантическая схема высказывания приобретает несколько иной вид. Например: « $S_2 P S_1$ », либо «*При условии существования $S_2 S_1 P$* ».

Прагматический смысл НП в обобщенном виде можно интерпретировать следующим образом: «*Соверши адекватное действие в связи с прогнозируемыми обстоятельствами*».

В п. 3.4.-3.5. исследуется когнитивно-смысловое структурирование паремиологического дискурса и народных примет, в частности, обосновывается возможность проведения фреймового анализа народных примет.

Паремиологический дискурс (ПД), представляя так же, как и другие типы дискурса, сложное двуплановое образование (И.П. Сусов, Н.Ф. Алефиренко), характеризуется наличием плана содержания и плана выражения. План выражения ПД составляет совокупность паремиологических единиц, связанных между собой отношениями принадлежности к единой национально-культурной парадигме вторично-производных языковых средств номинации стереотипных жизненных ситуаций, или в терминологии Н.Ф. Алефиренко, «единой логико-культурно-языковой синергетикой». В плане содержания ПД необходимо

выделить пропозиционально-когнитивный и коммуникативно-прагматический компоненты, первый из которых является центральным в порождении и интерпретации анализируемого дискурса. В ядерной зоне пропозиционально-когнитивного компонента располагается пропозиция, которая моделирует инвариант значения паремии. Коммуникативно-прагматический компонент содержания паремии участвует в актуализации ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, информация о которых представлена в интерпретационной зоне дискурсивного пространства.

Проблема смыслообразования ПД корреспондирует также с вопросами «систематической экспликации интуиции» носителей определенной лингвокультуры (Павиленис 1983), регулярной активизации когнитивных структур в процессе порождения и интерпретации текстов.

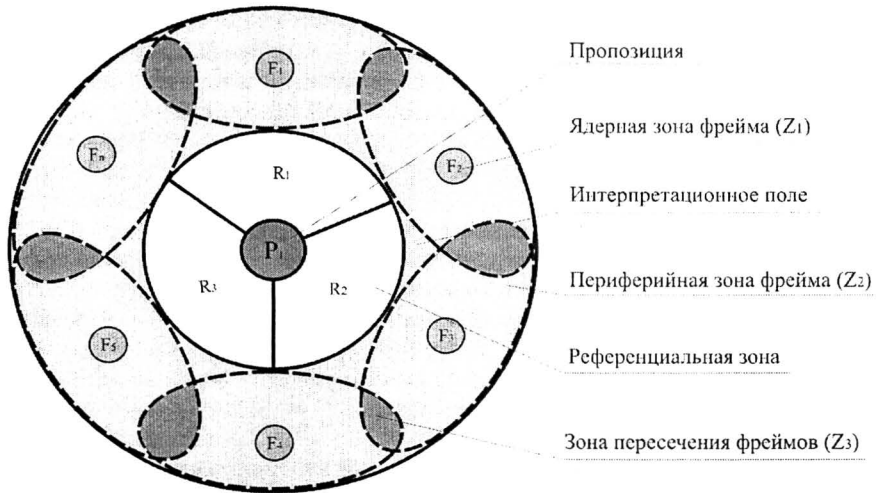
Возможность применения коммуникативно-прагматических фреймов в ходе проведения герменевтического и лингвокогнитивного анализа паремий объясняется следующими свойствами фрейма: 1) денотатом фрейма выступает стереотипная ситуация; 2) фрейм обладает сложной структурной организацией, объединяющей языковые и неязыковые знания; 3) в качестве средств объективации фрейма могут выступать вторичная и косвенно-производная номинация (Алефиренко 2005).

Выделяемые в структуре фрейма обязательные элементы (*узлы*) и факультативные элементы (*терминалы*) находят языковое отображение в виде базовых смысловых элементов семантической структуры единиц вторичной номинации, образующих когнитивно-пропозициональную структуру паремиологического высказывания, и факультативных смыслов, связывающих паремию с конкретной коммуникативной ситуацией (наставление, запрещение, предостережение, совет, инструкция и т.д.). Таким образом, фреймы служат теми когнитивными структурами, которые формируют стереотипы языкового сознания, продуцирующие знаки вторичной номинации благодаря «предсказуемости валентных связей (слотов)» (Н.Ф. Алефиренко). Необходимо подчеркнуть, что «предсказуемость» валентных связей в НП носит особый характер, обусловленный не косвенно-производной номинацией, как в случае пословиц и фразеологизмов, а высокой степенью повторяемости описываемых в приметах событий и стереотипизации человеческого опыта, в результате чего в них и формируются регулярные семантические связи.

В п. 3.6. рассматривается вопрос о моделировании содержательной организации народной приметы. В основе НП лежит пропозитивное содержание P_1 , представляющее некий «эскиз» прогнозируемой ситуации (рис. 1). Поверхностный уровень паремии образуют моно- и полипредикативные синтаксические конструкции, составляющие вербализованное выражение пропозиции, оформленные в виде дескриптивных, прескриптивных, либо оценочных паремий. Референциальную область приметы формируют синтаксическая (R_1), логико-семантическая (R_2) и прагматическая референция (R_3), отражающая отнесенность имен к объектам действительности, относительно которых делается прогноз. Референциальная область приметы имеет непосредственный выход в интерпретационное поле паремиологического

дискурса через слоты коммуникативно-прагматических фреймов F_1, F_2, \dots, F_n , соответствующих стереотипным жизненным ситуациям «наказ», «запрет», «инструкция», «предостережение», «совет» и т.д. Данные фреймы представляют когнитивные структуры, отражающие описание события, либо стимулирование / сдерживание деятельности, либо оценку событий / объектов действительности. Множественность фреймов с многообразием императивной семантики обуславливает их пересечение в случае совпадения семантических признаков в зоне Z_3 . Подвижность коммуникативно-прагматических фреймов обеспечивается вариативностью периферийной зоны фрейма, составные компоненты которой меняются в зависимости от особенностей каждой конкретной коммуникативной ситуации.

Рис. 1. Модель содержательной организации народной приметы

, где P_1 – семантическая пропозиция приметы, R_1 – синтаксическая референция, характеризующая отнесенность имен / именных выражений в паремии по признаку выполняемой ими синтаксической функции в предложении, R_2 – логико-семантическая референция, характеризующая отнесенность имен / именных выражений к тем или иным объектам действительности, R_3 – прагматическая референция, характеризующая отношение между намерением продуцента сообщить что-л. посредством паремии и распознаванием данного намерения реципиентом, Z_1 – ядерная зона фрейма, Z_2 – периферийная зона фрейма, Z_3 – зона пересечения фреймов, F_1 – фрейм «наказ», F_2 – фрейм «запрет», F_3 – фрейм «инструкция», F_4 – фрейм «предостережение», F_5 – фрейм «совет», F_n – какой-либо другой фрейм.

Объективную семантическую константу народной приметы составляет ее глубинное содержание, которое можно представить в виде следующей пропозиции: «Совершение физического / ментального / вербального действия с учетом некоторых обстоятельств». Данное пропозитивное содержание образует стабильное семантическое ядро любой приметы. В результате наложения модальной рамки, относящейся к субъективным переменным паремиологического высказывания, на ткань паремиологического дискурса возникает различный интенциональный рисунок высказывания.

Фрейм «наказ»: я наказываю (в значении 'предписываю'): «Совершай физическое действие, адекватное указанным обстоятельствам».

Фрейм «запрет»: я запрещаю: «Не совершай физического / ментального / вербального действия в связи с указанными обстоятельствами».

Фрейм «инструкция»: я инструктирую: «Соверши физическое / ментальное / вербальное действие с учетом указанных обстоятельств».

Фрейм «предостережение»: я предостерегаю: «Не соверши физического / ментального / вербального действия в связи с указанными обстоятельствами».

Фрейм «совет»: я советую: «Соверши физическое / ментальное / вербальное действие, адекватное указанным обстоятельствам».

Оформление модальной рамки осуществляется с помощью инвентаря лексических, морфологических средств, синтаксических конструкций, составляющих в совокупности «прагмалингвистический код» народной приметы. В результате распознавания контуров различных модальных рамок происходит активизация тех или иных фреймов в интерпретационном поле исследуемого ПД. Квалификация коммуникативных ситуаций осуществляется путем анализа лексико-грамматического уровня предложения, соотнесения буквального смысла высказывания с дискурсивным пространством, в котором оно функционирует, учета контекстуального окружения, прагматических пресуппозиций и других коммуникативных условий актуализации речевого акта.

В п. 3.7. исследуется прецедентный характер паремий и народных примет, в частности. Прецедентность как неотъемлемое свойство паремиологического дискурса играет важную роль при аккумулировании и ретрансляции этнокультурной информации, выступая в качестве определенного индикатора значимости национально-культурных традиций, разного рода занятий, исторических событий, деятельности отдельных личностей в жизни общества. Знание прецедентных феноменов «есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре» (Ю.Н. Караулов).

Исследуя «внешние масштабы» прецедентных феноменов, ученые различают социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсальные прецедентные феномены (В.В. Красных, Д.Б. Гудков и др.). В этом отношении справедливо рассматривать народные приметы в качестве национально-прецедентных феноменов, участвующих в создании национально-когнитивной базы этнокультурного общества. Анализ охвата паремиологического описания стереотипных жизненных ситуаций позволяет судить о национальном пространстве прецедентности, формирующемся в

процессе многовекового освоения индивидом опыта взаимодействия с окружающей средой, его социализации и рефлексии. Статус прецедентных феноменов приметы приобретают в результате длительного закрепления «правил поведения» в народной речевой практике, обретая характер устойчивых и регулярно используемых фраз в бытовом дискурсе.

С одной стороны, приметы отсылают нас к определенной прецедентной ситуации, вербализованной в сжатой форме в виде ситуативного имени, номинализации / номинализованной конструкции или антропонима. С другой стороны, паремии, выступая в качестве канонических высказываний, представляют прецедентную базу для формирования новых высказываний со своим собственным «алгоритмом восприятия» (В.В. Красных).

Второй раздел диссертации посвящен рассмотрению семантического и прагматического аспектов изучения НП.

В главе 4 «Способы представления пропозитивного содержания в народных приметах» анализируется актантное, атрибутивное и сирконстантное осложнение когнитивно-пропозитивной структуры паремий. В п. 4.1. отмечается, что основное содержание семантической пропозиции примет относится к обозначению последствий определенных действий либо проявления свойств конкретных предметов и явлений, выдвигая именно следственный компонент на передний план содержательной картины приметы. Развернутую форму НП можно представить в виде следующей формулы:

$$\langle S = Pr + V_{\text{perf}} + R + P_1 + P_2 (+ P_3) \rangle,$$

где S – общий смысл, или интегральное содержание, народной приметы; Pr – говорящий, или продуцент сообщения-прогноза; V_{perf} – перформативный глагол (илилокутивный показатель высказывания); R – получатель, или реципиент сообщения-прогноза; P_1 – семантическое содержание основной пропозиции (обозначение следствия проявления признаков обуславливающего явления / события / действия); P_2 – семантическое содержание дополнительной пропозиции (обозначение причины явления / события / действия), P_3 – семантическое содержание дополнительной пропозиции, являющейся факультативным элементом в смысловой структуре приметы (обозначение цели высказывания, достижимой вследствие выполнения предписываемого действия).

Архитектоника локуционного уровня НП демонстрирует алломорфизм по отношению к структуре пропозициональных актов паремий. Учитывая четырехкомпонентный характер анализируемых высказываний (продуцент, реципиент сообщения-прогноза, пропозиция-причина, пропозиция-следствие), необходимо отметить отсутствие в текстах НП в эксплицированном виде трех компонентов – продуцента, реципиента сообщения и перформативного глагола, что носит регулярный характер в паремиологических высказываниях и прочно закрепилось в общеупотребительной форме предложений обобщенно-личного типа, как в русском, так и в немецком языках. Подобная генерализация речевой интенции паремии позволяет адресовать высказывание любому носителю языка, подразумеваемая в качестве реципиента некое обобщенное лицо, обладающее необходимым набором presupпозиций для адекватного

восприятия высказывания и, следовательно, его реализации в соответствии с ожиданиями продуцента сообщения (принятие к сведению информации, содержащейся в примете; выполнение / невыполнение определенного действия с учетом прогнозируемых в примете событий). Элиминация перформативного глагола в текстах примет также является частым явлением в разговорной речи и воспринимается реципиентом естественным образом.

Центральным и облигаторным компонентом в пропозитивном содержании НП служит пропозиция-следствие, эксплицитно либо имплицитно представленная в обусловленной части приметы благодаря номинации следствия проявления признаков обуславливающего явления / события / действия. Второй компонент пропозитивного содержания НП – пропозиция-условие – также может быть представлен в примете эксплицитно либо имплицитно, в виде свернутой пропозиции. Например: *Если гуси и журавли не спешат к отлету, стужа наступит не скоро и зима будет мягкой; Ворона каркает – к дождю; На Кузьму сеют морковь и свеклу; Wenn die Vögel um Michaelis noch nicht ziehen, so wird an Weihnacht keine starke Kälte spüren; Die Krähe ruft den Regen; An St. Kilian säe Wicken und Rüben an.*

Факультативным компонентом пропозитивной структуры НП выступает пропозиция-цель, содержащая результативное значение, как правило, предписываемого действия. Присутствие данного компонента обуславливается необходимостью аргументации предписываемого действия в том случае, если прескрипция носит жесткий характер и нуждается в смягчении благодаря привлечению мотивационного компонента, либо может показаться реципиенту неубедительной. Например: *Перед Рождеством все деревья в садах надо обвязывать соломенным «перевязлом», чтобы они хорошо родили; На Онисима овчары окликают звезды, чтоб овцы ягнлись; Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, dann sä' sie an St. Benedikt.*

Способы представления пропозитивного содержания в приметах могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Семантика обусловленности в приметах выражается эксплицитно как на лексическом (например, глаголы *предсказывать / voraussagen, пророчить / prophezeien, предвещать / verkünden, обещать / versprechen*; имена *предвестник, предтеча / Vorbote, знак / Zeichen* и др.), так и на синтаксическом уровне (развернутые субъектно-предикатные структуры: преимущественно простые предложения с предикатом каузирующего значения, либо сложноподчиненные предложения условно-временной семантики с союзами *если, когда, коли, как* (в значении 'когда') и союзом *wenn* в немецком языке). В случае имплицитирования пропозиции «индикаторами» осложнения простых предложений выступают специфические конструкции в приметах (например, *перед N₁ / vor + N₃; после + N₂ / nach + N₃*): *Вороны каркают хрипло, отрывисто и чаще обыкновенного – перед дождем; После большого урожая строгая зима; Grünt die Eiche vor der Esche, hält der Sommer Wäsche. Grünt die Esche vor der Eiche, hält der Sommer Bleiche; Nach dem ersten Augustregen pflügt meist die Hitze sich zu legen* и др.

Среди способов осложнения простых предложений в системе народных примет (п. 4.2.) вслед за Л. Теньером выделяются три основных типа: актантные, атрибутивные и сирконстантные, обуславливающие осложнение предложения как вглубь (актантное осложнение), так и виришь (атрибутивное и сирконстантное осложнение). Термин *компликатор*, или усложнитель (от лат. *complexus*), введенный М.А. Кормилицыной «для обозначения компонентов свернутой побочной ситуации, создающей семантическую осложненность предложения», является, на наш взгляд, весьма удачным и хорошо подходит для анализа примет, характеризующихся переплетением множественных пропозиций и смыслов.

Для русских народных примет характерна более развитая система имплицитных конструкций для выражения пропозитивного содержания, многие из которых не имеют аналогов в немецких паремиях (например, $k + N_3$; $na + N_4$; $для + N_2$; $от + N_2$): *Солнце красно заходит – к ветру*; *Лучина трещит и мечет искры – к ненастью*; *Ставни скрипят зимой – к оттепели*; *Кошка скребет пол – на ветер, на метель*; *Галки стаями летят – на дождь*; *На Благовещенье воры заворовывают, для счастья, на весь год*; *Ветки ольхи втыкают в землю по краям поля для защиты от града*; *На Григория купают детей из решета на пороге, от призору*; *От падежа скота разводят в канаве живой огонь, добытый трением дерева, и прогоняют через него стадо, а огонь раздают на всю деревню*; *От падежа скота на воротах коптят свечами или рисуют дегтем кресты*.

Было установлено, что система атрибутивных отношений сильнее развита в немецкой паремиологической системе (п. 4.4.). Согласно эмпирическим данным, частотность использования атрибутивных компликатов в немецких НП (347 случаев) намного превышает частотность употребления пропозитивных атрибутивных конструкций в русских приметах (189 случаев употребления). В немецких паремиях наряду с сочетаниями одиночных атрибутов с именами существительными чрезвычайно высокую частотность употребления демонстрируют предложные и предложно-падежные конструкции (178 употреблений по сравнению с 70 употреблением в русских паремиях), например: *Jakobus in sonnenheller Gestalt macht uns die Weihnacht kalt*; *Jakobi ohne Regen sieht strengem Winter entgegen*; *Michael mit Nord und Ost (Wind) kündet scharfen Winterfrost*; *Februar mit Frost und Wind macht die Ostertag gelind*.

В системе НП обстоятельствоное осложнение семантической структуры предложения (п. 4.5.) обнаруживает себя двояко: эксплицитно, через номинализованные конструкции (НК), где в качестве ядра НК выступает девербатив, соотносимый с неким процессом, действием, и имплицитно, благодаря «непроцессным именам, представляющим косвенный тип номинализации, «получаемый не вследствие транспозиции глагола, а вследствие его опущения» (Гак 2009: 134). В последнем случае восстановление скрытой предикации возможно лишь в условиях контекстуального «погружения». Ср.: *Красные облака перед заходом солнца предсказывают ветер* (= Появление красных облаков перед тем, как зайдет солнце,

предсказывает ветер); *Перепел кричит перед дождем* (= Перепел кричит перед тем, как пойдет дождь); *До первого грома земля не размрзаетя полностью* (= Земля не размрзаетя полностью до того момента, как первый гром прогремит).

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие основные группы сирконстантных компликаторов на основе выражаемого значения в текстах НП: темпоральные, логические, локативные, образа, способа и степени действия, среди которых наибольшую частотность и чрезвычайное разнообразие форм проявляют темпоральные компликативы: *В феврале зима с весной встретится впервой*; *На Арину садыт капусту*; *Кукушка поет до Петрова дня*; *Накануне Ивана Купалы собирают лечебные и знахарские травы*; *За три дня перед полнолунием перемена погоды*; *Перед грозой лес притихает*; *Со дня Михаила архангела зима морозы кует*; *Im Juni kann des Nordwinds Horn noch nichts verderben am Korn*; *Zu Gertrud sä' das Kraut*; *An St. Kilian (8.7.) säe Wicken und Rüben an*; *Auf Stanislaus (7. Mai) rollen die Erdäpfel aus*; *Mit Crispin sind alle Fliegen hin*; *Im August der Morgenregen wird vor Mittag sicht legen*.

Глава 5 «Побудительная семантика и функциональные средства ее выражения в народных приметах» раскрывает функционально-прагматическое своеобразие русских и немецких народных примет.

В п. 5.2. рассматриваются способы реализации семантики стимулирования деятельности в пределах коммуникативно-прагматического пространства фрейма «наказ» в народных приметах. В русских и немецких приметах побудительные предложения анализируемой иллокутивной направленности представлены обширной группой высказываний регулятивно-прескриптивного типа и составляют 27% и 25 % от общего числа русско- и немецкоязычных прескриптивных паремий соответственно.

Речевые акты (РА) наказа предполагают облигаторное выполнение предписываемого действия с учетом фактора бенефактивности, поскольку невыполнение данного жизненного правила может повлечь за собой непоправимые последствия для жизни крестьян.

Доминанту плана выражения рассматриваемого коммуникативно-прагматического фрейма составляет категория императивной модальности и ее ядерный компонент – повелительное наклонение, или императив, представляющий прямое грамматическое средство выражения регулятивной иллокутивной силы. Ср. слоты *сей / sä'*, *мни, топчи, ерни* 'собирай урожай': *Ирины рассадницы: сей капусту на рассадниках (срубках)*; *Мни и топчи льны с половины грязника*; *Zu Gertrud sä' das Kraut*; *An Sankt Gall ernte man die Rüben all* и др.

Категория императивной модальности обладает рядом особенностей морфологического характера и демонстрирует разнообразие форм выражения: повелительное наклонение, номинализации и номинализованные конструкции, различные инфинитивные конструкции и т.д.: *Сей морковь и свеклу на Козьму*; *С Петрова дня пожня*; *Ласточки прилетели – время сеять горох*; *Мак надо сеять, пока лягушки не начали квакать*; *Гречу сеять пропустя сорок морозов*

после сорока мучеников; *Ha Ирину худая трава из поля вон; An St. Kilian säe Wicken und Rüben an; Zu Theres beginnt die Weinles'; Sind die Krähen nicht mehr weit, ist's zum Säen höchste Zeit; Hat St. Peter das Wetter schön, soll man Kohl und Erbsen sä'n; Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da; Wenn naht der hl. Stanislaus, sollen die Kartoffeln raus* и др.

В текстах русских НП достаточно высокую частотность употребления проявляют сложные регулятивно-прескриптивные РА, основное директивное содержание в которых заключено во второй части, а их первая часть формируется с помощью подготовительного РА, вводящего реципиента в контекст приметы (Дейк 1989: 36). Как правило, подготовительный РА представляет собой сообщение-номинацию временного фрагмента, в пределах которого необходимо выполнить действие-наказ, либо краткое обозначение самого процесса, об особенностях совершения которого сообщается во второй части РА: *Ирины-рассадицы: сей капусту на рассадниках; Зосимы-пчельника: расставляй улья на пчельнике*. Отсутствие аналогичных конструкций с использованием подготовительного РА в немецких НП дает право судить об их уникальном характере и представляет основания для отнесения их к специфичным чертам русской паремиологической системы.

Коммуникативно-прагматический фрейм «инструкция» (п. 5.3.) совмещает в себе черты прескриптивного и превентивного РА. В русской паремиологической системе приметы со значением инструкции представлены обширной группой высказываний (33 %) и по своей численности в три раза превосходят немецкие приметы с аналогичным значением (10 %).

Основными маркерами инструктирующих РА являются индикативные формы глагола 3 л. ед. и мн. ч. наст. / прош. вр., либо сочетания модального компонента *следует* и инфинитивной формы глагола. Ср. слоты *кормят, убирали, следует сеять, sät, hat getan, schlägt an: Ha Юрья коней крестами кормят (испеченными в Крещенье); Ha Ивана постного убирали репу; Если во время созревания малины первые ягоды бывают крупные, то розь следует сеять раньше; при мелких же ягодах средний или поздний посев ржи лучше; An St. Mang (06.09.) sät der Bauer den ersten Strang; Kommt Martini heran, hat der Bauer das Dreschen getan; An St. Johann schlägt der erste Mäher an* и т.д.

В РА инструкции говорящий пытается повлиять на мнение реципиента путем использования тактики утверждений, делая основной акцент на имеющемся предыдущем опыте взаимодействия с окружающей действительностью и ожиданием ответного проявления уважительного отношения к опыту предыдущих поколений и доверительного отношения к говорящему.

Анализ эмпирического материала в русском и немецком языках позволяет отнести инфинитив как наиболее категоричную форму выражения к универсальным средствам объективации фрейма «инструкция» в сопоставляемых языках. Кроме того, в обоих языках были выявлены конструкции, носящие рекомендательный характер: «*следует + инфинитив*» и ее аналоги «*man soll + Infinitiv*», «*man + 3 P.Sing.*» в немецких паремиях. Распространенным явлением в русских инструктивах является форма 3 л. мн.ч.

индикатива в односоставных обобщенно-личных предложениях, в то же время в немецких приметах более распространена индикативная форма 3 л. ед.ч. в двусоставных предложениях.

В п. 5.4. рассматриваются способы репрезентации коммуникативно-прагматического фрейма «запрет» в народных приметах. Запрещающие НП служат своего рода «оберегом» в ключевых жизненных ситуациях и способствуют предотвращению нежелательных последствий. Статистический анализ паремиологического материала позволил установить, что в системе прескриптивных паремий категоричного типа приметы со значением запрета составляют 12 %, в то время как в немецких приметах доля запрещающих паремий составляет лишь 5 %.

Одной из характерных особенностей функционально-семантического структурирования народных примет, выражающих значение запрета, является их отнесенность к плану будущего. В качестве прохибитивов могут выступать различные конструкции, эксплицитная форма которых детерминирована высокой / низкой степенью иллокутивной силы запрета.

Наиболее высокую частотность употребления в русских текстах НП демонстрируют конструкции с использованием индикативной формы глагола в 3 л. мн. ч. и отрицания *не*. Ср. слоты *не работают, не выгоняют, не ездят, не рубят, не кормят* и др.: *На Вознесенье в поле не работают; На Ильин день скота не выгоняют в поле; На Казанскую добрые люди вдаль (в отъезд) не ездят; На Предтечу не рубят капусты, не срезавают мака, не копают картофеля, не рвут яблоков, не берут в руки косаря, топора, заступа; В Рождественский сочельник не кормят кур, чтобы огородов не копали; От Троицы до Успения хороводов не водят.*

В качестве менее частотных средств экспликации иллокутивной силы запрета в русских текстах НП выступают конструкции «запрещается + инфинитив», «не должно + инфинитив»: *На Благовещенье запрещается подметать в доме и особенно выбрасывать мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки; В сырую погоду и в дождь не должно сеять ржи; как обмочило оглобли, так и поезжай домой.*

В НП также возможно использование сочетаний модальной связки *грех / грешно*, выражающей «морально-этическую квалификацию действия» (В.В. Виноградов), с инфинитивом: *На Симона Зилота земля именинница: грех пахать; В эту ночь (ночь под Вознесенье) ловить соловьев большой грех – кто поймает, тому во весь год ни в чем спорины (удачи) не будет; Под Рождество ткать грешно; несчастье угодит в праздник.*

Высокой степенью категоричности характеризуются запрещающие конструкции, содержащие императивные формы глагола, построенные по модели «не + императив 2 л. ед.ч.»: *Гороха при северном ветре не сей, сей при южном; На Федоры не мети из избы сора; До Николе не сей гречки, не стрижи овечки; Не сей хлеб, когда днем виден месяц.*

Наибольшей степенью категоричности обладают прохибитивные конструкции, репрезентированные в текстах НП сочетаниями *не / нельзя* и инфинитивной формы глагола: *Навозу не запахивать в новолуние, а в*

последнюю четверть; В светлый праздник огня в домах не разводить – будет головня в пшенице, или: не гасить с вечера; Когда рожь цветет, нельзя холстов белить.

В немецком языке инфинитив играет гораздо меньшую роль, чем в русском, «вместо него развилась система характерных для немецкого языка модальных глаголов, одночленных предложений, причастий и т.д. (Е.А. Крашенникова). В немецких приметах эквивалентами прохибитивных конструкций «не + инфинитив», «нельзя + инфинитив» выступают сочетания «Imperativ + kein + N₄», «man + Modalverb + (kein + N₄) / nicht + Infinitiv»: *Treibe keinen Handel bei einer Mondfinsternis, sonst suchen dich Unglück und Misserfolg heim; Gewürz- und Heilkräuter soll man nicht bei nassem Wetter pflücken, vor allem dann nicht, wenn man sie nicht sofort verbraucht; Man muss nicht Fische essen in Monden ohne dem „R“; Zwischen Weihnachten und dem 6. Januar darf man keine Wäsche waschen und sie schon gar nicht nachts im Freien aufhängen, denn sonst fährt sie die wilde Jagd hinein; Vor Johannisstag keine Gerste man loben mag.*

В п. 5.5. исследуются РА предостережения в народных приметах. В самом общем виде РА предостережения, или превентивные предложения, выражают «предостережение против действий, которые либо не могут, либо не должны совершаться преднамеренно» (В.С. Храковский) и направлены на информирование о негативных последствиях каких-либо явлений, процессов, действий, либо на их предотвращение с целью предупредить неблагоприятные для человека ситуации. Ведущую роль в реализации РА предостережения играет фактор бенефактивности, с учетом которого рекомендуемый алгоритм действий представляется в интересах реципиента, что способствует благоприятному исходу событий, выработке адекватной стратегии поведения с учетом географического, социального и др. факторов, а также формированию духовно-нравственных качеств. Мотивационной основой РА предостережения служит проявление заботы адресанта об адресате. Так, благодаря народной рефлексии в виде превентивных паремий в мягкой форме осуществлялась коррекция действий и поведения сельского жителя, развивая в нем качества осмотрительности и благоразумия. Статистический анализ русских и немецких примет позволил выявить различную долю превентивов в русской и немецкой паремиологической системе – 10 % в русском языке и 27 % в немецком соответственно.

Превентивная семантика находит отражение в НП в виде различных способов представления повелительности – как прямого, так и косвенного. В первом случае мы имеем дело с категориальной, или прямой, императивностью (А.В. Бондарко), реализующейся в языковом плане в виде императивных форм (глагол во 2-м л. ед. и мн. ч.): *Землю созрело – не опоздай с посевом; Gehst du im April bei Sonne aus, laß den Regenschirm nicht zu Haus* и др. Во втором случае речь идет о некатегориальной, или косвенной, императивности, отражающейся в виде неимперативных форм, используемых в условиях специального контекста в императивном значении. Вслед за А.В. Бондарко мы различаем в рамках актуализации косвенной императивности (КИ) ее эксплицитную и

имплицитную разновидности. Случаи имплицитной императивности превентивов представляют косвенные речевые акты, в которых императивный смысл присутствует лишь в косвенной форме и может быть вычленен в результате семантико-прагматической трансформации.

Например, в русской примете *В новолуние порез или рана не скоро заживают* имплицированный превентивный смысл <Не порежись! Не поранься!> в ситуации нереализованного факта распознается благодаря выявлению референтной ситуации с негативными для человека последствиями «Долгое заживление раны в случае ее возникновения в новолуние». Однако в ситуации реализованного факта при интерпретировании данного высказывания акцент смещается в другую сторону: <Терпи! Процесс заживления раны будет долгим>, либо интерпретатор останавливается на простой констатации факта. Таким образом, фактор ситуативности играет ведущую роль при интерпретации косвенного высказывания.

Инвентарь эксплицитных средств актуализации КИ в паремиях русского языка отличается многообразием лексико-морфологических средств и синтаксических конструкций. Превентивная семантика может проявлять себя на лексическом уровне разнообразно, начиная с употребления отдельных лексем с негативной коннотацией, и, заканчивая использованием аналитических конструкций типа «не советуют + инфинитив». Ср. актуализацию слотов фрейма «предостережения» (*опасно, плохая, тяжелый, не советуют* и др.) в приметах: *Лед ломается хряско – ходить опасно; Гроза на Федора летнего – плохая уборка сена; Високосный год тяжелый, на людей и на скотину; После Ильина дня не советуют есть землянику, иначе будешь дремать*. Частотным индикатором превентивной ситуации выступает императив *береги* в русских приметах, например: *Трещит Варюха – береги нос и ухо!* В немецком языке отмечается использование императива *fürchte* ('бойся, остерегайся') в превентивных высказываниях, например: *Solange der Kuckuck schreit, fürchte die Trockenheit*.

Импликатуры предостережения могут присутствовать в подготовительных РА в приложениях имен, например: *Январь-ломонос: береги свой нос; Федосеевы морозы-худосей: сев поздний яровых будет*. Подобный способ экспликации превентивной семантики свойственен только русским паремиям и по праву может быть отнесен к специфичным чертам русской паремнологической системы.

В п. 5.6. изучаются способы реализации коммуникативно-прагматического фрейма «совет» в народных приметах. РА совета выражает значение целесообразности / нецелесообразности выполнения какого-либо действия в конкретной жизненной ситуации ввиду наличия оснований, достаточных для выполнения / невыполнения этого действия. Модальность совета всегда содержит положительную оценку: «сам говорящий считает, что действие, предусмотренное советом, повлечет хорошие последствия для адресата» (Е.М. Вольф).

Ведущими тактиками убеждения в реализации РА совета выступают эмпатия, апеллирование к интересам реципиента, изложение рекомендаций в мягкой некатегоричной форме.

Необходимо отметить, что среди русских паремий количество примет, выражающих значение совета, составляет 18 % от общего числа прескриптивных паремий, а в немецком языке доля адвисивов заметно больше и составляет 33 %.

Основным конвенциональным способом выражения совета в паремиях выступает императивная форма глагола СВ либо НСВ с преимущественным использованием последнего. Обобщенное, генерализованное значение паремий предопределяет значительный «перевес» случаев использования НСВ императивной формы глаголов: *На весну надейся, а траву запасаи; Хвали зиму после Николы; Много комаров – готовь коробов (плетенок, по ягуду); много мошек – готовь лукошек (по грибы); Полетел в августе пух с осины – спеши за подосиновиками; Радуйся хлебу не на корню, а в амбаре; Изморози косить в ведро.*

Несмотря на отсутствие грамматической категории вида в немецком языке, ее частичное компенсирование возможно за счет значения предельности / неопределенности, с помощью которого актуализируются некоторые видовые оттенки немецких глаголов (Гулыга, Натанзон 2008: 137-138). В немецких НП, отражающих коммуникативную ситуацию совета, используются преимущественно императивные формы предельных либо потенциально-предельных глаголов: *Daniel zum Erbsensäen wählt; Danket St. Urban, dem Herrn, er bringt dem Getreide den Kern; Komm die Feldmaus bereits jetzt ins Dorf, kümmer dich um reichlich Holz und Torf* и т.д.

К эксплицитным средствам выражения интенции совета относится прежде всего глагол *советовать*, например: *Горох сеять советуют накануне Благовещения; Всякую работу советуют начинать, когда подрастает светлый месяц.*

В системе НП фрейм «совет» объективируется посредством слотов *хорошо / gut, es ist gut; лучше / besser, lieber; полезно, удобнее всего, am allerbesten* 'лучше всего' и др.: *Как паутина полетит – хорошо сеять; Скотину лучше калоть в полнолуние, потому что на ущербе месяца скот худеет на глазах, с тела спадает; Перед посевом бобы полезно вымочить в «озимой воде» (натаянной из мартовского снега); Удобнее всего резать животных в третий день нового месяца – тогда мясо будет белое, как свежее, никогда не горкнет; An St. Gertrud ist es gut, wenn in die Erd die Bohn' man tut; Besser gut zusammengerecht als gut gemäht; Lieber ein Fuder Mergel auf den Mist als zwanzig auf den Acker; Lein, gesät an Esthern, wächst am allerbesten.*

В качестве имплицитных средств выражения интенции совета в ПД выступают конструкции «кто... тот / того и т.д.» / *«wer... der / den usw.»*, «чем... тем» и некоторые другие: *Кто при первом сорове скинет рубаху, того блохи не будут кусать; Чем глубже семя схоронится, тем лучше уродится; Wer dünn sät, der erntet dick; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, so sä' sie an St. Benedikt* и др.

В п. 5.7.-5.9. рассматриваются стратегия убеждения и основные тактики аргументирования в народных приметах.

В народных приметах инициатором ликвидации дефицита эпистемической информации выступает, как правило, продуцент, использующий разнообразнейший арсенал тактик в реализации стратегий убеждения реципиента прямым и косвенным способом (п. 5.7.). К прямым способам убеждения мы относим *объяснение, представление положительных результатов действий, представление последствий обратных действий, привлечение «шаблонов поведения»*. Так, благодаря объяснению происходит компенсирование недостающих знаний у реципиента, посредством представления положительных результатов действия происходит знакомство реципиента с процессом детерминации одного явления (действия) другим, представление негативных последствий обратных действий в качестве контраргумента также стимулирует когнитивную деятельность реципиента и способствует признанию правоты отправителя информации, привлечение поведенческих шаблонов, основанное на стереотипизации человеческого мышления, способствует выработке программы поведенческих актов по предлагаемому шаблону, основываясь на уподоблении, «которое в мифологическом сознании сливается с отождествлением» (Н.Б. Мечковская 2004).

Среди не прямых способов убеждения в паремиологическом дискурсе следует выделить *тактику намека* (п. 5.8.), которая находит употребление в НП преимущественно в аргументационных высказываниях совета и предупреждения, характеризующихся «умеренной» иллюкутивной силой. Например: *«На Федора жито посеешь – не пожалеешь»* – совет; *«Кто сеет овес с Егория, тот убирает не зерно, а солому»* – предостережение.

В рамках устранения эпистемической лакунарности в ходе реализации тактики намека с помощью косвенного речевого акта (КРА) адресанту удастся избежать прямых директивных высказываний, излишне категоричных по своей иллюкутивной силе, в пользу менее категоричных высказываний с косвенной императивностью, направленных на установление благоприятной атмосферы общения. Налаживается контакт внимания к теме сообщения без принуждения. Экспликация скрытого смысла происходит с опорой на фоновые знания реципиента, а также контекст речевого общения (Дж.Р. Серль).

В результате когнитивной обработки текста реципиентом, предполагающей многосторонний анализ локутивного РА, происходит активизация поверхностного содержания высказывания, выявляется вторичная иллюкутивная информация. В рассматриваемом контексте НП вторичная иллюкутивная информация сводится, как правило, к описанию факта обусловленности одной ситуации действительности другой. В условиях функционирования высказывания в определенном контекстуальном пространстве реципиент устанавливает факт несоответствия содержания РА конситуации и подвергает текст повторному анализу. В процессе вторичной когнитивной обработки текста активизируется «глубинный» уровень содержания высказывания, выявляются скрытые смыслы, или речевые

импликатуры по Г.П. Грайсу, что в конечном итоге в условиях успешного протекания РА находит реализацию в выполнении определенного физического либо ментального действия.

Представить процесс декодирования косвенного смысла высказывания можно в виде следующей схемы:

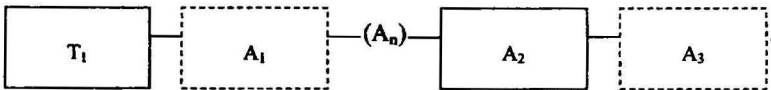
Сх. 1. Когнитивный механизм декодирования косвенного смысла высказывания

, где P – реципиент, или получатель сообщения; Т – текст, подвергаемый интерпретированию; I₁ – первичная иллокутивная информация; I₂ – вторичная иллокутивная информация.

Присутствие и характер аргументирующего компонента в текстах примет регулятивного типа обуславливается интенциональным значением высказывания и его восприятием реципиентом. Языковое оформление аргументационного текста предопределяется, в конечном итоге, прагматическими установками продуцента с учетом пресуппозиционной базы потенциального реципиента. Диспозиции продуцента в процессе формирования аргументированного РА базируются на данных о коллективном фонде лингвистической, эпистемиологической, прагматической информации, необходимой для декодирования адресатом транслируемого сообщения.

Анализ аргументационных текстов НП в когнитивно-прагматическом контексте (п. 5.9.) позволяет сделать вывод о том, что сцепление простых речевых актов в сложные происходит на основе «принципа домино», действие которого базируется на механизме семантического согласования прагматических контекстов. Логико-семантическую структуру аргументационного текста НП можно представить схематично следующим образом:

где T_1 – тезис, характеризующийся побудительной модальностью с императивными и неимперативными формами проявления; $A_{1(2/3/n)}$ – аргумент, содержащий дескриптивную характеристику результатов выполнения / невыполнения действия, описываемого в тезисе. В основе аргументации лежат причинно-следственные отношения между процессами и явлениями объективной действительности. Одна коммуникативно-прагматическая ситуация каузирует другую. Пунктирной линией обозначено возможное присутствие дополнительных аргументов в тексте паремии в имплицитной форме.

Соположение пропозициональных значений, выявляемых в тезисе и аргументах, позволяет установить зоны пересечения семантического и прагматического содержания тезисной и аргументативной частей паремиологического высказывания. Место «семантического шва» между пропозициями тезиса и аргумента в аргументационном тексте приметы, как правило, маркировано пунктуационными знаками. Несколько усложняет процесс интерпретации аргументационного текста специфичное для устноречевых жанров явление эллипсиса. В частности, среди аргументационных текстов НП высокочастотны случаи «свертки» аргументов, занимающих различные позиции в высказывании (см. позиции аргументов, помещенных в «контейнеры», помеченные на схеме пунктирной линией). Подобного рода сложные предложения, несмотря на пропуск иногда значительных по объему смысловых отрезков действительности в языковом выражении, не утрачивают своей автономности в информативном плане, «поскольку вербализованные звенья как бы вбирают в себя семантику невербализованных» (Т.А. Колосова). В частых случаях бывает крайне сложно выявить в аргументативном тексте имплицированные аргументы, занимающие промежуточное положение между тезисом и эксплицированным аргументом без дополнительных сведений об экстралингвистической информации.

Например, в русской примете *С Иванова дня ставят молоко в кринках под росы – коровы лучше доиться будут* корреляционные связи между описываемыми процессами в тезисной и аргументативной частях предложения не обнаруживаются, что затрудняет правильную интерпретацию высказывания без экспликации скрытых в тексте приметы дополнительных аргументов. Механизм аргументации в данной примете основывается на *заключениях по аналогии*, описанных еще Н.В. Крушевским: «А. сходно с В. в качестве с.; причинная связь между качеством с и качеством d. Не обнаружена; однако делается заключение, что А. сходно с В. и в качестве с.» (Крушевский 1876: 7).

Появление другой приметы *Если капусту садить в полнолуние (или в последнюю четверть), то она будет низкая, толстая, крепкая* базируется на взаимосвязи между состоянием луны и урожайностью. Период новолуния считается наиболее благоприятным временным интервалом для посадки

деревьев, растений, овощей. Наличие корреляционных предметных признаков в тезисной и аргументативной частях предложения *капуста – внешние характеристики капусты (низкая, толстая, крепкая)* свидетельствует о присутствии всех компонентов высказывания, необходимых для правильной интерпретации текста приметы.

Глава 6 «Оценочная семантика в народных приметах» посвящена исследованию семантико-аксиологического потенциала анализируемых паремий и характеристике наиболее употребительных оценочных лексем в системе русских и немецких народных примет. В п. 6.1. освещается вопрос о разграничении терминов «оценка», «оценочность». Оценка по праву может быть отнесена к универсальным семантическим категориям, свойственным любому лингвокультурному обществу, любой нации, любому индивиду, будучи обусловленной «физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием» (Н.Д. Арутюнова). Являясь сложным когнитивным явлением, представляющим одну из форм отражения действительности, оценка составляет объект изучения как философии (Р.М. Хзар, П.Х. Ноуэлл-Смит, А.А. Ивин и др.), так и лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова, В.Н. Телия, М.В. Ляпон, Т.В. Маркелова, Л.А. Сергеева, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев и др.). Оценочная деятельность основывается на вторичной категоризации окружающей действительности, в основе которой лежат «не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения о их роли в нашей жизни» (Васильев 1996: 56). Многими учеными (Б.А. Серебренниковым, Э.С. Азнауровой и др.) отмечается «избирательная заинтересованность» оценочного момента, заключающаяся в преимущественном выделении одних объектов по сравнению с другими, что выливается в определенное отношение человека к окружающей действительности и к самому себе.

При широком аспекте исследования оценки не различаются смыслы «отношение говорящего к предмету речи» и «ценностное отношение», базирующиеся, соответственно, на семах «представление, суждение о ком-л., чем-л.» и «признать достоинства, положительные качества, ценность кого-, чего-л.», которые пересекаются друг с другом в одной семеме производящего глагола оценить (оценивать) и ценить (Т.В. Маркелова). По мнению Л.А. Сергеевой, оценкой можно считать лишь такое мнение о предмете, которое выражает характеристику последнего через соотнесение его с категорией ценности. Подобно тому, как номинативные слова соотносятся с предметом через понятие о нем, оценочные слова соотносятся с объектом оценки через понятие ценности, ориентированное на нравственный или эстетический идеал, социальную норму качеств, психофизиологические или интеллектуальные возможности и потребности индивида и т.п. (Сергеева 2004: 40).

Понятие оценочности сопряжено с некой размытостью его понимания. Отождествление оценочности, с одной стороны, с оценкой, и ее противопоставление категории оценки, с другой, свидетельствует о недостаточной изученности вопроса о природе оценки и способах ее

выражения в современной науке. Вслед за Л.А. Сергеевой мы различаем оценку как категорию логическую и лингвистическую и оценочность как собственно языковую категорию. В лингвистическом понимании Л.А. Сергеева относит оценку к функционально-семантической категории языка, имеющей разноуровневые средства языкового выражения. По мнению автора, «в лексической семантике репрезентацией оценки является оценочность языковой единицы. Оценочный компонент (наряду с денотативным, коннотативным, эмотивным и экспрессивным) является структурным элементом оценочного значения» (Л.А. Сергеева 2004).

В п. 6.3. изучается вопрос о структурной и типологической характеристике оценки, а также о шкалировании оценки в паремиологической системе. Отмечается, что основные типы аксиологических значений могут быть сведены к общеоценочным, или, согласно традициям логиков, холистическим, и частнооценочным. Первая группа оценочных значений эксплицируется в языке в первую очередь благодаря прилагательным *хороший* и *плохой*, а также синонимичным прилагательным (*прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный, нехороший, дурной, худой* и др.). Вторая группа аксиологических значений носит разноплановый характер (сенсорно-вкусовые, психологические оценки, абсолютные, рационалистические оценки и т.д.), что существенным образом осложняет классификацию частнооценочных значений, связанных с трудностями, обусловленными «нечеткостью границ, разделяющих такие понятия, как объект, основание и способ установления оценки» (Н.Д. Арутюнова). Основная функция оценки, по нашему мнению, заключается в изменении картины мира адресата посредством стимулирования его рефлексивной деятельности как ментальной реакции на оценочное высказывание.

Основными квалификаторами положительной оценки в системе НП на лексическом уровне выступают прилагательные *хороший, добрый / gut*, наречия *хорошо / gut, wohl*; квалификаторами отрицательной оценки в анализируемых паремиях выступают прилагательные *плохой, худой / schlecht, schlimm, kein guter*, наречие *плохо / schlecht* и т.д.: *В январе висит много частых и длинных сосулек – урожай будет хороший; Ясный солнечный день встречи – лето будет доброе, туман и пасмурно – лето худое; Добрая отава – плохие озими; Schnee vor der Christnacht bringt eine gute Hopfenernte; Wenn am 1. Mai der Reif fällt, gerät die Frucht wohl; Nasse Jäger, trockne Fischer – schlechtes Geschäft; Silvesternacht Wind, früh Sonnenschein – bringt keinen guten Wein* и др.

На имплицитном уровне оценочность присутствует в паремиологических высказываниях с прямой, косвенной императивностью, а также в неимперативных высказываниях и позволяет себя выявить благодаря проведению семантического анализа части высказывания, несущей информацию о последствиях выполнения / невыполнения определенного действия.

В п. 6.4. анализируется аксиологическая шкала общей оценки в системе народных примет, выявляются основные средства выражения оценочных значений «хорошо», «плохо».

Согласно Н.Д. Арутюновой, общеоценочное прилагательное *хороший* так же, как и прилагательное *плохой*, «имеют обобщающее, конденсирующее значение». Как отмечает А.Н. Баранов, «общие оценки представляют собой метаоценочную категорию, сферой действия которой является не просто ситуация или соответствующая ей пропозиция, а своеобразная «амальгама», сплав из описания положения дел и приписанных этому положению дел частных оценок различных типов» (Баранов 1989: 78).

Общность, конденсированность значений 'хороший', 'плохой' проявляется в сложности и многомерности имплицитируемых качеств, признаков предмета / явления. Например, хороший урожай подразумевает в первую очередь большое количество собранных плодов (овощей, зерна и т.д.), а также высокую степень зрелости, сочности, крепости, наличия определенных цветовых характеристик, соответствующих той или иной степени зрелости плода / овощной культуры и т.д., в каждом случае различных, т.е. положительная характеристика находит как правило подтверждение в количественной характеристике предмета / явления.

Прилагательное *хороший* обладает чрезвычайно широким объемом понятия, формируемым интегральным признаком «положительное». Оно демонстрирует широкие сочетательные возможности с именами существительными, номинирующими как отдельные события, факты, предметы живой и неживой природы, так и состояния, действия в НП: *Если облака плывут высоко, будет хорошая погода; Снег хорош – год хорош; Перед Николаем иней – овсы хороши будут; Если первый гром застанет рыбу подо льдом, будет хороший улов; Wenn die Mücken am Bach tanzen und spielen, sie morgiges gutes Wetter fühlen; Sankt Roman bedeutet ein gutes Jahr; Novemberdonner deutet auf einen guten Sommer; Auf harten Winters Zucht folgt gute Sommerfrucht; Im Trüben ist gut fischen* и др.

Помимо лексем *хорошо*, *хороший* / *gut* в паремиологических текстах наибольшую частотность употребления проявляют следующие имена прилагательные и наречия: *добрый*; *красный*, *пригожий* / *schön*; *дружно*, *wonnig* 'прелестный, восхитительный' и др., например: *Доброе семя – добрый всход; Евдокея красна – вся весна красна; Если день Еремея Запрягальника (14 мая) будет погожий, то и уборка хлеба пригожа; Поют соловьи перед Маврой (16 мая) накануне, весна зацветет дружно; Schöner Neujahrstag – schöner August; Ist Peter und Paul sonnig, wird der Wein wonnig* и др.

Прилагательное «плохой» обладает несколькими ЛСВ, объединяемыми интегральной семой «лишенный положительных качеств / свойств». Оно вступает в сочетаемостные отношения с именами различной семантики, как конкретной, так и абстрактной, например: *Ячень, посеянный при западном и юго-западном ветре, плох и мал; Если на Антипа воды не вскроются, то лето плохое; Гроза на Федора летнего – плохая уборка сена; Дождь на Вита – плохо для жума; Novemberschnee auf nassem Grund bringt gar schlechte Ernestund; Friert es nicht im Hornung ein, wird's ein schlechtes Kornjahr sein; Schlechten Wein gibt's heuer, wenn St. Lorenz ohne Feuer; Wächst das Gras im Januar, wächst es schlecht im ganzen Jahr* и др.

Помимо лексем *плохо, плохой* в НП встречаются следующие слова с идентичным значением: *худой / arg, дурной / böse, нехороший / kein guter*: *Рябины много – год худой*; *Худ приплод в високосный год*; *Белье зимой долго не сохнет, льны нехороши будут*; *Vierzig-Ritter-Blitz kündigt arge Sommerhitz*!; *Mariä Opferung schön bestellt, dass die Biene Ausflug hält, dann wird das nächste Jahr für wahr, ein böses, teures Hungerjahr*; *Augustsonne, die schon sehr früh brennt, nimmt nachmittags kein gutes End* и др.

Проведенный статистический анализ имеющегося паремиологического материала позволяет утверждать, что в системе народных примет выражение отрицательной оценки (24 % в русских приметах и 12 % в немецких приметах) менее частотно по сравнению с выражением положительной оценки (76 % в русских приметах и 88 % в немецких приметах).

В п. 6.5. рассматривается вопрос о паремиологической интерпретации категории количественности. Отмечается, что сегментирование окружающей действительности с точки зрения количественности представляет сложный когнитивный процесс, способный отражать ментальные особенности количественной оценки, или квантификации, предметов / явлений на языковом уровне. Инвентарь языковых средств выражения семантики количественной оценки отличается чрезвычайным разнообразием и характеризует «естественноязыковые рефлексy ментальной процедуры оценивания» (термин А.Н. Баранова) каждого языка в отдельности.

На связь между количественными представлениями и их отражением в языковом мышлении указывал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, проведя последовательный анализ содержательных особенностей разновидностей количественности в «языковом мышлении» (количественность размерная, пространственная; количественность времени; числовая количественность; количественность интенсивности, степени).

Категория количества представляет важную семантическую и лексическую универсалию, характеризуюмую А.В. Бондарко как функционально-семантическое поле (ФСП) с полицентрической структурой, которая опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа (прежде всего имен существительных), а с другой – на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений; наконец, особый тип количественности представлен в сфере глагольных предикатов (Бондарко 2002).

Характеризуя паремиологическую систему русского и немецкого языков с точки зрения количественных оценок, необходимо отметить гетерогенный характер количественной категоризации денотативного пространства НП (имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантификативной оценки).

Языковая категория количественности подразделяется на субкатегории дискретного и недискретного количества, обозначенные еще Аристотелем как «счислимое» и «измеримое». Параметр дискретности / недискретности связан с тем, что количественная оценка может быть дана как дискретным множествам по числу элементов квантифицируемого множества, так и недискретным

объектам с точки зрения возможности измерения (веса, объема и т.д.) (Шмелев 2005).

1) Дискретные квантифицируемые множества

Анализ дискретных показателей квантификативной оценки в народных приметах русского и немецкого языков демонстрирует общие черты в выборе числительных, служащих средством количественной оценки, а также сходства относительно выбора объектов для оценки. Так, в текстах русских и немецких примет отмечается употребление числительных широкого числового диапазона (1, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 14, 18, 40, 100) с превалированием числительных *три* и *сорок*: *Если месяц в три дня обглядится, то весь будет вёдрый, а когда три дня дождя, то весь ненастный; Гречиху сеять пропустя сорок морозов после сорока мучеников; С Благовещенья осталось сорок морозов (утренников); Nordwind am Vollmond sagt, dass uns der Frost drei Wochen plagt; Friert's am Martyrertag, so kommen noch vierzig Fröste nach; Gibi Matthias (24. Februar) uns noch Frost, schenkt er noch 40 Tag die Kost; Weht am Gregoriustag (12. März) der Wind, noch vierzig Tage windig sind* и др. Как правило, дискретной количественной оценке подвергаются временные характеристики небесных тел, природных явлений, а также интенсивность самих природных явлений.

2) Недискретные квантифицируемые множества

Недискретная оценка реализуется в НП, выражая как количественно-качественные, так и собственно количественные оценки. Количественно-качественные отношения в функционально-семантическом поле количественной оценки характеризуют, как правило, величину квантифицируемого объекта с точки зрения размера, длины, веса, количественно-качественного состояния урожая, а также интенсивности явления (*высокий / hoch, длинный / lang, большой / groß, обильный / reichlich, полновесный / gewichtig* и т.д.). Например, в русском языке: *Если бобы высокие, то и лен высокий будет; Длинные капельники (сосульки) – долгие льны; Вьюга в Васильев вечер обещает большой урожай орехов; Сильные грозы с градом предвещают обильный урожай грушедей*. В немецком языке: *So hoch der Schnee – so hoch das Gras; Bring die Sichel mit, Barnabas, hast langen Tag und längstes Gras; Wenn eine reiche Hopfenernte gewesen ist, folgt ein strenger Winter; Blüht im Juni der Stock im vollen Licht, große Beeren er verspricht; Ist's an Sankt Urban hell und rein, gibt es reichlich Korn und Wein; Ist's vor Maria Magdalein trocken mit wenig Sonnenschein, so wird das Korn gewichtig sein*.

Собственно количественные отношения объектов квантификации в паремиях проявляются преимущественно в адвербиально-субстантивных сочетаниях с показателями-квантификаторами *много / viel, мало / wenig, больше / mehr, меньше / weniger*. Для народных примет характерны отношения аналогии между событиями, явлениями в условной и следственной частях, что в частых случаях поддерживается лексически (Фаттахова 2002). Ср. лексические параллели в отношении недискретной квантификации в русских и немецких приметах: *Звезд мало на небе – яиц мало будет; Много снегу – много хлеба; много воды – много травы; Много боярышника – много хлебов; Много еловых шишек – много гороха; Много инея зимою – много орехов;*

Большие ветров – большие яблок. В немецких поговорках: Viel Regen im November, viel Wind im Dezember; Viel Nebel im Oktober – viel Schnee im Winter; Viel Hopfen in diesem Jahr – viel Roggen im nächsten Jahr; Viel (wenig) Regen im Mai, wenig (viel) Regen im September; Viel Korn-wenig Kartoffeln; Je mehr im April die Regen strömen, desto mehr wirst du vom Felde nehmen и др.

В особых случаях квантификации объекты количественной оценки могут характеризоваться через понятие равенства, что находит отражение в эксплицированной форме благодаря парным конструкциям, содержащим относительные слова «сколько – столько» в русском языке и «so viel(e) – so viel(e)» в немецком: *Сколько в мае дождей, столько лет быть урожаю; 9 марта. Вторая встреча весны. Сколько проталинок, столько жаворонков; So viele Tröpfe im Jänner – so viel Schnee im Mai; So viel Fröste im März, so viele im Mai.*

Проведенный анализ квантификативной оценки позволил подтвердить диффузный, неоднородный характер оценочных отношений, отражающих количественность в опосредованном паремиологическими единицами мышлении русского и немецкого народов. Различное соотношение дескриптивного и оценочного значений в словах, выражающих количественные оценки в поговорках, стимулирует широкое понимание оценки как многомерного процесса квантификации объекта, базирующегося на сопоставлении с существующим образцом, эталоном, стереотипом и т.п., исходя из установленной системы норм и ценностей, принятых в данном обществе.

В п. 6.6. раскрываются особенности отражения эксплицитной и имплицитной оценки в НП. Доминирующее положение в аксиологическом пространстве анализируемых поговорок занимает общеоценочная характеристика года и особенно его летнего периода, состояния урожая, предстоящей погоды, стимулируя разнообразие языковых форм выражения положительной оценки: *Пышное цветение дуба предвещает урожайный год; Весной ласточка появилась рано – год для всех счастливый; В конце апреля ночное небо бывает слишком звездное – предвещает хороший урожай; Тихая звездная ночь на Новый год – обещание отменного урожая; Сильный гром с градом предвещает обильный урожай грушевых; Первый снег сухой – обещает хорошее лето; Если зима была морозная и малоснежная, то будет лето хлебоборное; Когда летучие мыши после заката солнца неустанно летают – жди ясной погоды; Maikäferjahr – ein gutes Jahr; Laubfall zu Leodegar kündigt an ein fruchtbar Jahr; Ist am Josephitag (19. März) das Wetter schön, wir eine gute Ernte sehn; Julisonnenschein – wird die Ernte reichlich sein; Novemberdonner deutet auf einen guten Sommer; Fliegen die Fledermäuse abends umher, kommt anhaltend schönes Wetter her.*

Отрицательная характеристика названных объектов оценки в системе НП отличается более низкой частотностью проявления и меньшим разнообразием. Ср.: *В плохой год, когда хлебу не род, не будет и умолот; Рябины много – год худой; Когда весной появляется много мышей, это предвещает голодный год; Если в мае маются – к бесплодному лету; По Антилопой воде о хлебушке задай: если воды не вскроются, то лето плохое; Wenn es keinen strengen Winter*

gibt, folgt meist auch kein guter Sommer; Novemberschnee auf nassem Grund bringt gar schlechte Erntestund; Nasse Jäger, trockne Fischer – schlechtes Geschäft и др.

Показательно, что характеристика года может осуществляться в НП не только с точки зрения качественной, но и количественной оценки, находя языковое выражение в русских паремиях благодаря синкретичным словосочетаниям «ягодный год», «хлебородный год», а также благодаря предикатам с аналогичным значением (ягодно, хлебовно, грибовно): *Много звездочек на снегу – год будет ягодный; Мокрое Благовещение – грибное лето; Май холодный – год хлебородный; Коли ягодно, то и хлебовно; Коли грибовно, так и хлебовно*. В немецких НП семантическими эквивалентами указанных конструкций выступают адъективно-субстантивные словосочетания «*ein gutes Getreidejahr*», «*ein gutes Roggenjahr*», «*ein schlechtes Kornjahr*», «*ein gutes Weinjahr*», «*ein gutes Honigjahr*», отражающие особенности немецкого словосложения: *Ist zu Georg das Korn so hoch, daß ein Rabe sich darin verstecken kann, so steht ein gutes Getreidejahr an; Ist der März kalt und klar, dann kommt ein gutes Roggenjahr; Friert es nicht im Hornung ein, wird's ein schlechtes Kornjahr sein; Josefi (19. März) klar, dann kommt ein gutes Honigjahr; Weihnachten gefroren und klar gibt ein gutes Weinjahr*.

Среди частнооценочных средств в текстах русских НП преобладают визуальные, тактильные характеристики цвета, размера, веса зерновых культур, налива колосьев, умомота и т.д.: *На полях снег волнистый – уродится хлеб зернистый; Если у сосулек нет в середине пустоты, то налив хлебов полный и умомот богатый; В Рождество день теплый – хлеб будет темный, густой; Если весной придержка на воду, то головки овса будут небольшие и овес будет мал весом; Святой Федот (20.06.) на дождь поведет – к тощему наливу (колоса); Весной снеготаяние шло с туманами – хлеба вырастут неполновесными*.

В немецких паремиях помимо частной оценки зерновых культур (*Septembersonne gibt eine dicke Mahd; Ist's vor Maria Magdalein (22. Juli) trocken mit wenig Sonnenschein, so wird das Korn gewichtig sein; Wenn's auf Alexius (17. Juli) regnet, so fault das Getreide auf der Mauer* и др.) ввиду широко развитого в Германии виноделия, пивоварения, виноградарства особое внимание уделяется качеству фруктов, хмеля, вина, пива, что находит отражение благодаря прилагательным *faul* 'гнилой', *wurmig, wurmstichig* 'червивый, червоточный', *gesund* 'здоровый в знач.: нечервивый', *sauer* 'кислый': *Regnet es an Peter und Paul (29. Juni), wird des Winzers Ernte faul; Scheint am Agnestag (21. Januar) die Sonne, wird die Frucht wurmig; ist es aber bewölkt, wird es gesunde Frucht; Regen am Ulrichstag (4. Juli) macht die Birnen wurmstichig; Bringt der April noch Schnee und Frost, gibt's wenig Heu und sauren Most*.

В качестве имплицитных средств отражения положительной оценки в русских приметах высокую частотность употребления проявляют слова и словосочетания, номинирующие продукты питания (хлеб, крупа, каша, пирог, каравай и др.), либо состояние сытости (*сыт будешь*) в составе моделей Vf_2 – Vf_2 , N_1Adj – N_1V и др.: *Посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином; Март сухой да мокрый май – будет каша да каравай* (вар.: *Март сухой, май*

...рый – будет и крупа, и хлеб); Земля в снегу – быть пирогу; Хорошо зерно спать уложишь, хорошо и разбудишь – сыт будешь.

В немецких приметах частотным лексическим маркером имплицитного способа отражения оценки выступают имя *Segen* 'благословение', глагол *segnen* 'благословлять' в форме Partizip II в различных конструкциях с элементами отрицания и без него (*ein Jahr voller Segen* 'благословенный год', *göttlicher Segen* 'божье благословение', *das Jahr ist gesegnet* 'год является благословенным', *des Segens Weihekuss* 'священный поцелуй благословения', *kein Segen* 'неблагословение', *ist nicht gesegnet* 'не благословенен') в составе модели $N_1V(\text{prep})N_4$, а также в составе некоторых других моделей: *Der Oktober im Regen bringt ein Jahr voller Segen*; *Februar Schnee und Regen deutet an göttlichen Segen*; *Wenn es am Karfreitag regnet, ist das ganze Jahr gesegnet*; *Wind aus Nord im Junius ist des Segens Weihekuss*; *Gibt's im Januar viel Regen, bringt's den Früchten keinen Segen*; *Wenn's zu Jakobi (25. Juli) regnet, ist der Most nicht sehr gesegnet*.

Другим распространенным способом имплицитного представления негативной оценки в немецких НП выступает стилистический прием олицетворения. На лексическом уровне отрицательная оценка прогнозируемой ситуации реализуется благодаря синонимичным выражениям *Schmerz bringen*, *wehtun* 'причинять боль', сочетающихся с лексемами, номинирующими натурфакты *Felder* 'поля', *Saaten* 'посевы', *Korn* 'зерно' в составе предложений, построенных по модели $N_1VN_3(N_4)$: *Viel Tau im Monat März – bringt Reif um Pfingsten, den Feldern Schmerz*; *Märzenstaub bringt Gras und Laub, Märzenschnee tut den Saaten weh*; *Regen an Mariä Schnee (5. August) tut dem Korn tüchtig weh*.

Оценочный смысл обнаруживается также в приметах, предикаты в которых содержат оценочные семы 'много', 'полный', 'пустой', соответствующие оценочным значениям 'хорошо', 'плохо'. Например: *Коли тле зимой гладко (много снегу), то и в сухе будет гладко*; *Навоз густ – и амбар не пуст (много хлеба)*; *В решете пусто, да в закроме пусто (сорный хлеб)*; *Антуп без воды – закрома без зерна*; *Regen in der Walpurgisnacht (30. April) hat Tenne und Keller vollgemacht*; *Lässt der April feuern, so füllen sich die Scheuern*; *Der April treibt sein Spiel, treibt er toll, wird die Scheune voll*; *Geht Maria (2. Juli) übers Gebirge nass, bleibt leer Scheune und Fass*.

Оценочная семантика была также выявлена в НП, содержащих квалификаторы *дорогой / teuer*, *дешевый / billig*, актуализирующие в паремиологическом контексте сопутствующий аксиологический компонент 'хорошо / плохо'. Например, структурная модель (Если / Wenn) VN_1 , VN_1 и ее модификации: *Если мыши нагрызут хлеб (печеный) сверху, дорог будет; снизу – дешев, а сбоку – средняя цена*; *August ohne Feuer macht das Brot teuer*; *Wenn die Grille im September singt, so wird das Korn billig*.

Важное значение в формировании имплицитного оценочного содержания НП играет эмоциональная оценка. «Эмотивный», или собственно оценочный, компонент высказывания как положительной, так и отрицательной зоны оценки (Е.М. Вольф) содержится, прежде всего, в смысловом содержании глаголов *weseln*, *spielen*, *maien*, *schreiben*, *lachen* 'смеяться', *sich freuen*

'радоваться' и семантически идентичных выражений *Freude bringen* 'приносить радость', *Spaß machen* 'приносить удовольствие, забавлять', *frohlocken lassen* 'приводить в восторг, в ликование': *Гром в июне веселит крестьянское сердце – предсказывает хороший урожай; Глубоко пашешь – веселей пляшешь; В мае жениться – век маяться; И земля скорбит в сухмень; Viel Wind im Oktober – lacht der Müller im Dezember; Sind die Reben um Georg noch blind, freuen sich Mann, Frau und Kind; Sind Philipp und Jakob nass, so macht's dem Bauern großen Spaß; Anna (26. Juli) warm und trocken lässt den Bauern frohlocken.*

В Заключении излагаются основные итоги и результаты исследования.

Применение этнокогнитивного подхода к изучению паремиологического материала способствовало определению речеповеденческих доминант носителей русской и немецкой лингвокультуры, выявлению универсальных коммуникативно-прагматических категорий в паремиологическом дискурсе (вежливость, лаконичность, доступность для восприятия, общеизвестность), а также установлению участков неравномерного распределения иллюзий в смысловой организации русских и немецких примет. Герменевтический анализ народных примет позволил не только понять глубинный смысл исследованных паремиологических единиц, но и проследить вариативные возможности употребления паремии в различных бытовых ситуациях, выявить коммуникативные тактики убеждения в паремиологическом дискурсе.

Получила подтверждение выдвинутая нами гипотеза о совпадении *интенциональной концептосферы* в сопоставляемых этнокультурных обществах, что базируется на принципе универсализации коммуникативно-прагматических концептов в национальном и мировом сознании человечества, и расхождении в языковых способах экспликации выделенных в настоящем исследовании интенций («наказ», «запрет», «предостережение», «совет», «инструкция»). Установленные различия в языковом отражении интенциональной сетки объясняются ментальными различиями представителей сопоставляемых лингвокультур, детерминирующими специфические этносоциокультурные кодировки информации. Наличие единой интенциональной концептосферы в сознании русского и немецкого народов обуславливается эмпирическими предпосылками социокультурной организации их жизни, стандартизованными схемами поведения данных национальных общностей, инвариантным характером поступков, действий индивидов, универсализацией принципов человеческого общения в силу действия единых норм вербального поведения в сопоставляемых лингвокультурах.

Когнитивно-смысловое содержание НП эксплицируется в виде моно- и полипредикативных конструкций, отражающих вариативные лексические, морфологические и синтаксические средства выражения, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание примет (диктум) остается единым.

Проекция этноязыкового сознания на семантическое пространство языка и языка народных примет, в частности, находит отражение в специфическом для

каждого народа в отдельности способе номинации предметов / явлений действительности, обретая форму устойчивых изречений, представляющих «откровения народной жизненной философии» и отражающих когнитивный опыт взаимодействия с окружающим миром.

В качестве наиболее значимых научных результатов проведенного исследования можно отметить следующие:

- установлены общие черты в русской и немецкой паремиологических системах в ходе функционально-семантической каталогизации примет (дескриптивные, прескриптивные и оценочные паремии в русском и немецком языках составляют приблизительно одинаковое количество) и различные черты в процессе распределения прескриптивных паремий по иллокутивным группам (73% прескриптивных паремий категоричного типа (наказ, запрет, инструкция) и 27% прескриптивных паремий смягченного типа (совет, предостережение) в русском языке; 41% категоричных прескрипций и 59% прескриптивных паремий смягченного типа в немецком языке);

- отмечено, что выявленные в народных приметах коммуникативные ситуации характеризуются антропоцентрической направленностью и носят бенефактивный характер, степень проявления которого варьируется в зависимости от степени категоричности характера предписания. Средства выражения коммуникативных ситуаций обнаруживаются как на лексическом, так и на грамматическом уровнях языка;

- определено, что присутствие и характер аргументирующего компонента в народных приметах обуславливается интенциональным значением паремии и ее восприятием реципиентом;

- доказано, что ведущую роль при интерпретационном анализе народных примет различной иллокутивной направленности играет не столько рассмотрение формальных признаков отражения иллокутивной силы в поверхностных структурах паремий, сколько ориентация на конситуацию, т.е. учет контекстуального окружения примет, визуально-чувственного фона коммуникативной ситуации, а также возможностей частно-апперцепционной базы реципиента, представляющей его фоновые знания;

- исследование актантных, атрибутивных и сирконстантных способов осложнения семантической структуры народных примет позволило подтвердить мысль о тесной взаимосвязи лексической и синтаксической семантики. Прослежено взаимодействие лексических значений, обуславливающих синтаксическое поведение словоформ, и валентностных потенций лексем на синтаксическом и семантическом уровнях паремиологического высказывания;

- сопоставлены ценностные ориентиры в изучаемых национальных паремиологических картинах мира. Выявлены сходства и различия в оценочной концептуализации в русских и немецких приметах;

- раскрыты сущностные характеристики народных примет, находящие проявление как в семантическом наполнении паремий, так и в функциональном разнообразии контекстов их употребления.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Монографические издания:

1. Кулькова М.А. Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет: Монография / М.А. Кулькова. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 192 с. (12 п.л.)
2. Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения / М.А. Кулькова. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – 220 с. (13, 75 п.л.)

II. Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных положений докторской диссертации:

3. Кулькова М.А. Фрейм «наказ» в русской и немецкой паремиологии / М.А. Кулькова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 158-163. (0,4 п.л.)
4. Кулькова М.А. Квантификативная категоризация паремиологического пространства (на материале русского и немецкого языков) / М.А. Кулькова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки, 2010. – № 1. – С. 76-81. (0,75 п.л.)
5. Кулькова М.А. Речевые акты, репрезентирующие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет» в русских и немецких паремиологических текстах / М.А. Кулькова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика, 2010. – № 1. – С. 45-47. (0, 3 п.л.)
6. Кулькова М.А. Паремиологическая интерпретация деонтических ситуаций разрешения (на примере фреймового анализа текстов народных примет) / М.А. Кулькова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2010. – № 2. – С. 91-94. (0,5 п.л.)
7. Кулькова М.А. Речевые акты предостережения в русских и немецких паремиях / М.А. Кулькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки», 2010. – № 2. – С. 72-75. (0,5 п.л.)
8. Кулькова М.А. Коммуникативно-прагматический портрет косвенных речевых актов в пословичном дискурсе / М.А. Кулькова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. «Филологические науки», 2010. – № 2. – С. 37-39. (0,5 п.л.)
9. Кулькова М.А. Сирконстантные знаки ситуации в системе русских народных примет / М.А. Кулькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки», 2010. – № 3. – С. 99-102. (0,8 п.л.)
10. Кулькова М.А. Способы реализации атрибутивного осложнения паремиологических конструкций в русском и немецком языках / М.А. Кулькова

// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. «Филологические науки», 2010. – № 3. – С. 75-77. (0,31 п.л.)

11. Кулькова М. А. Монопредикативные конструкции с актантными компликаторами в системе народных примет / М.А. Кулькова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2010. Том 152. Кн. 6. – С. 78-83. (0,75 п.л.)

12. Кулькова М.А. Оценочная семантика в системе народных примет / М.А. Кулькова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2010. – № 4. – С. 70-76. (0, 75 п.л.)

13. Кулькова М.А. Национальные особенности квантификативной категоризации в паремике русского и немецкого языков / М.А. Кулькова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 4 (2). – С. 580-583. (0, 25 п.л.)

14. Кулькова М.А. «Принцип домино» в аргументационных текстах паремиологического дискурса / М.А. Кулькова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011. – № 1. – С. 75-79. (0,5 п.л.)

15. Кулькова М.А. К вопросу о когнитивно-смысловой организации народной приметы / М.А. Кулькова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2011. – № 1. – С. 74-80. (0, 75 п.л.)

III. Статьи в научных журналах и сборниках научных трудов и материалов конференций:

16. Кулькова М.А. Прагматический потенциал фольклорных текстов и возможности его исследования с позиции теории речевых актов / М.А. Кулькова // Вестник Чувашского университета. – № 1. – Чебоксары: Чувашский государственный университет, 2007. – 233-237. (0,3 п.л.)

17. Солдатова М.А. Оказиональные фразеологические варианты в прагматическом аспекте / М.А. Солдатова // Диалог культур: проблема толерантности, межкультурной коммуникации и межконфессиональных отношений: Материалы итоговой научно-практической конференции ТАРИ. – Казань: Титул, 2003. – С. 194 -196. (0,2 п.л.)

18. Солдатова М.А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях / М.А. Солдатова // II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы. – Казань: Казанский государственный университет, 2003. – Т.2. С. 110-112. (0, 2 п.л.)

19. Солдатова М.А. Некоторые парадигматические аспекты лексико-семантической группы «ветер»/ «Wind» (на примере немецкой паремиологии) / М.А. Солдатова // Научно-практическая конференция. – Чебоксары: Чувашский государственный университет, 2004. – С. 100-103. (0,25 п.л.)

20. Солдатова М.А. Способы выражения побуждения и запрета в народных приметах (коммуникативно-прагматический подход) / М.А. Солдатова // Актуальные проблемы текста. Лингвистическая теория и практика обучения: Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения О. А. Нечаевой. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2004. – С. 55-57. (0,2 п.л.)

21. Солдатова М.А. Сопоставительная характеристика концепта «природа» на материале немецких и русских народных примет / М.А. Солдатова // Язык и межкультурная коммуникация: Межвузовская научно-практическая конференция. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2004. – С. 68-70. (0,2 п.л.)

22. Солдатова М.А. Некоторые парадигматические и синтагматические аспекты ЛСГ «домашние животные» (на материале немецких и русских народных примет) / М.А. Солдатова // Проблемы типологии языка: Сборник научных статей. – Казань: Казанский государственный педагогический университет, 2004. – С. 183-189. (0,4 п.л.)

23. Солдатова М.А. Концепт «растения» в народных приметах (на материале немецкого и русского языков) / М.А. Солдатова // Русская и сопоставительная филология. Исследования молодых ученых: Сборник научных трудов. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – С. –133-138. (0,4 п.л.)

24. Солдатова М.А. Лексико-семантическая сочетаемость лексемы «дождь / Regen» (на материале русских и немецких народных примет) / М.А. Солдатова // Язык и методика его преподавания: VI Всероссийская научно-практическая конференция. – Казань: Казанский государственный университет, Институт языка КГУ, 2004. – С. 122-125. (0,25 п.л.)

25. Кулькова М.А. Семантическое структурирование народных примет с лексемой «снег / Schnee» (на материале немецкого и русского языков) / М.А. Кулькова // Межъязыковая коммуникация. Лингвистика. Типология. Лексикология. Лексикография. Теория перевода: Вторая международная конференция. – Москва - Казань: МГУ-КГУ, 2004. – С. 155-159. (0,3 п.л.)

26. Кулькова М.А. Предикативная сочетаемость слов ЛСГ «дикие животные» (на материале немецких и русских народных примет) / М.А. Кулькова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – С. 63-64. (0,2 п.л.)

27. Кулькова М.А. Анализ предикативной сочетаемости имен ЛСГ «Природные явления» в народных приметах / М.А. Кулькова // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2005. – С. 581-585. (0,3 п.л.)

28. Кулькова М.А. Роль прагматического фактора при изучении народных примет / М.А. Кулькова // Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи: Материалы X юбилейной международной научной конференции «Пушкинские чтения». – СПб.: САГА, 2005. – С. 118-120. (0,2 п.л.)

29. Кулькова М.А. Проблема дефиниции и классификации народных примет / М.А. Кулькова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Всероссийская научно-практическая конференция. –

Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. – С. 146-151. (0,4 п.л.)

30. Кулькова М.А. Немецкие и русские народные приметы в национально-культурном аспекте / М.А. Кулькова // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. – Вип. 16. Кн.1. – Київ: Київський національний університет ім. Т.Шевченка, 2005. – С. 224 – 227. (0,25 п.л.)

31. Кулькова М.А. Народные приметы в зеркале национальной языковой картины мира / М.А. Кулькова // Сопоставительная филология и полилингвизм: состояние и перспективы: Диалог языков и литератур в поликультурном пространстве России. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 143-144. (0,2 п.л.)

32. Кулькова М.А. Народные приметы через призму теории речевых актов / М.А. Кулькова // Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный и методический аспекты: Третья международная научная конференция. – Саратов: Саратовский государственный университет, 2005. – 467-471. (0,3 п.л.)

33. Кулькова М.А. Сопоставительный анализ концепта «Природные явления» в немецких и русских народных приметах / М.А. Кулькова // Актуальные вопросы филологии: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной М.М. Михайлову. – Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2005. – С. 100-103. (0,25 п.л.)

34. Кулькова М.А. Суггестивные речевые акты как косвенный способ выражения директивной интенции в малых фольклорных жанрах / М.А. Кулькова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: III Международные Бодуэновские чтения. – Казань: Казанский государственный университет, 2006. – С. 252 - 254. (0,2 п.л.)

35. Кулькова М.А. Синтаксические средства выражения прескриптивных речевых актов в малых жанрах фольклора / М.А. Кулькова // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: Материалы I Международной научной конференции. Ч. II. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – С. 11-14. (0,25 п.л.)

36. Кулькова М.А. Средства выражения прескриптивных речевых актов в немецких и русских народных приметах / М.А. Кулькова // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: Материалы Международной научно-методической конференции. Ч. 1. – Москва: Изд-во Московского государственного университета сервиса, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2006. – С. 166-171. (0,4 п.л.)

37. Кулькова М.А. Народные приметы как один из способов языкового отражения концептуальной картины мира / М.А. Кулькова // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. – Вип. 21. Ч.2. – Київ: Київський національний університет ім. Т.Шевченка, 2007. – С.122-125. (0,25 п.л.)

38. Кулькова М.А. Простые двусоставные предложения в немецких народных приметах / М.А. Кулькова // Языковая семантика и образ мира: Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. – Казань: Изд-во КГУ, 2008. – С. 107-109. (0,2 п.л.)

39. Кулькова М.А. Глубинная структура паремий, репрезентирующих фрейм «инструкция» (на материале текстов народных примет) / М.А. Кулькова // IV Международные Бодуэновские чтения. Труды и материалы. – Казань: Казанский государственный университет, 2009. – Т.1. С. 233-235. (0,2 п.л.)

40. Кулькова М.А. Способы репрезентации коммуникативно-прагматического фрейма «наставление / Belehrung» в паремиологических текстах (на материале русского и немецкого языков) / М.А. Кулькова // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 205-210. (0,4 п.л.)

41. Кулькова М.А. Коммуникативная стратегия убеждения и способы ее реализации в аргументационных текстах паремий / М.А. Кулькова // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. – Казань: РИИ, 2009. – С. 129-138. (0,6 п.л.)

42. Кулькова М.А. Коммуникативные стратегии и тактики убеждения в пословичном дискурсе / М.А. Кулькова // Политика в зеркале языка и культуры: сб. науч. статей, посвященных 60-летию юбилею проф. А.П. Чудинова. – М.: ИЯ РАН, 2010. – С. 145-150. (0,4 п.л.)

43. Кулькова М.А. Деонтические ситуации запрета в русских паремиях / М.А. Кулькова // Современные проблемы русистики и лингвометодики. – ТГГПУ, 2010. – С. 229-232. (0,25 п.л.)

44. Кулькова М.А. Ситуации инструктирования в зеркале паремиологических единиц (на примере прагматического исследования текстов народных примет) / М.А. Кулькова // Язык, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 331-335. (0,3 п.л.)

45. Кулькова М.А. Семантика паремиологических текстов, выражающих иллюкативную функцию предостережения / М.А. Кулькова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. – Киров: Изд-во ВятГТУ, 2010. – С. 68-71. (0,25 п.л.)

46. Кулькова М.А. Фреймовый анализ паремий как один из видов концептуальных исследований (на примере речевых актов предостережения в русском и немецком языках) / М.А. Кулькова // Язык и ментальность: сборник статей. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 184-189. (0,4 п.л.)

47. Кулькова М.А. Аксиологическая интерпретация количественности в пословичном дискурсе / М.А. Кулькова // Филология и образование: современные концепции и технологии: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 260-262. (0,2 п.л.)

IV. Учебно-методические и справочные работы:

48. Кулькова М.А. Русско-немецко-татарский словарь народных примет / Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 176 с./ 352 с. (7,35 п.л. / 14, 7 п.л.)

49. Солдатова М.А. Прагматика высказывания в немецкой диалогической речи. Учебные материалы к курсу «Практикум по культуре речевого общения немецкого языка» / М.А. Солдатова. – Казань, 2003. – 48 с. (3 п.л.)

50. Кулькова М.А. Природная лексика в немецком и русском языках (на материале народных примет): Учебно-методическое пособие / М.А. Кулькова. – Казань: ТАРИ, 2005. – 84 с. (5,25 п.л.)

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета
Тираж 100 экз. Заказ 31/3

420008, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел.: (843)233-73-59, 292-65-60

